

Елена Лунёва

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

(НЕ)АНГЕЛ для
Мажора

«Иногда от ненависти до любви - одно лишь дыхание...»

Елена Лунёва

(Не)Ангел для мажора

<https://litres.ru/73918758>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ангелина и Демьян знакомы с детства и тогда их дружбу составляла лишь взаимная, непримиримая вражда. Казалось, время должно было сгладить углы, стереть острые грани. Но не тут-то было.

Первая встреча спустя десять лет лишь подтвердила: ничего не забыто. А что теперь? Продолжать войну? Но как, если им суждено жить под одной крышей и учиться в одном университете?

Теперь каждый день, проведенный бок о бок, превращается в адское испытание на прочность. Чтобы хоть как-то сосуществовать на одной территории, они изо всех сил стараются держаться подальше друг от друга, изображая полнейшее безразличие, словно никогда и не были знакомы. Но чем яростнее сопротивляются, тем яснее становится: эта война давно переросла простую ненависть. В нее вторглось нечто иное, более мощное, всепоглощающее, сводящее с ума чувство.

И сейчас главный вопрос не в том, смогут ли они ужиться вместе, а в том, кто из них первым сдастся и признает поражение.

Содержание

Глава 1 Ангелина	4
Глава 2 Ангелина	13
Глава 3 Ангелина	22
Глава 4 Демьян	33
Глава 5 Демьян	38
Глава 6 Ангелина	48
Глава 7 Ангелина	59
Глава 8 Ангелина	64
Глава 9 Ангелина	74
Глава 10 Ангелина	82
Глава 11 Ангелина	91
Глава 12 Демьян	103
Глава 13 Ангелина	111
Глава 14 Ангелина	118
Глава 15 Ангелина	129
Глава 16 Ангелина	138
Глава 17 Демьян	147
Глава 18 Демьян	158
Глава 19 Демьян	166
Глава 20 Ангелина	172
Глава 21 Ангелина	179

Елена Лунёва

(Не)Ангел для мажора

Глава 1 Ангелина

— Мам, я не понимаю зачем ты мне столько всего положила, — ворчу я и наклоняюсь к спортивной сумке, в которую поместился чуть ли не годовой запас продовольствия. Тяну её изо всех сил — сумка отрывается от перрона на жалкие пару сантиметров, и я тут же отпускаю обратно. Внутри что-то звонко брякает, и мама резко вскрикивает:

— Лина, полегче, банки разобьёшь! — мгновенно садится рядом, распахивает молнию и заглядывает внутрь. Лицо на мгновение напрягается, потом расслабляется. — Целы, — вздыхает. — Аккуратней надо.

— Зачем мне это тащить? — стону. — Ты же знаешь, я не ем все эти твои консервированные шедевры. А от грибов у меня вообще аллергия.

— Это и не для тебя, — невозмутимо отвечает мама и поправляет выбившуюся прядь. — Это гостинцы для Дымовых.

Я прыскаю со смеха.

— Мам, ты серьёзно? Думаешь, эти люди обрадуются кабачковой икре? С их-то деньгами они могут осетровую лож-

ками на завтрак, обед и ужин уплетать. Зачем им твоя овощная экзотика?

Мама делает вид, что не слышит сарказм.

— Всё, хватит ворчать. Давай лучше вещи в вагон затащим, поезд вотвот уйдёт.

Подхватывает мой чемодан — на фоне сумки он выглядит как клатч — и бодро направляется к вагону. Я, пыхтя и продолжая вполголоса проклинать тяжёлую жизнь, единственного ребёнка тещу эту чёртову торпеду с соленьями.

Перрон гудит. Люди суетятся: кто-то смеётся, кто-то уже украдкой вытирает слёзы. Громкоговоритель над головой монотонно объявляет отправление, где-то сбоку орут зазывалы, предлагая воду, пирожки, журналы. Всё это накатывает шумной волной и особенно остро напоминает, как ещё утром на нашей кухне было тихо: родители, запах оладий и кот Васька на моих коленях. Но домашний, безопасный мир остался там, за несколько километров.

— Осторожно, не навернись, — мама оглядывается, проверяя, на месте ли я.

— Если навернусь, — бурчу, — закопаете меня прямо тут, вместе с твоими консервами.

Она закатывает глаза, но всё равно подхватывает сумку за вторую ручку. Вдвоём нам удаётся дотащить её до подножки вагона. Проводница снисходительно смотрит сверху, отступает в сторону, пропуская нас внутрь.

В тамбуре душно, пахнет старой резиной и дешёвыми

освежителями. Мы протискиваемся по узкому коридору, мимо чьих-то чемоданов, пакетов и рюкзаков, пока не доходим до нашего купе.

Внутри уже сидит тихая пожилая пара. Мужчина в бордовом жилете сворачивает газету, женщина с серым пучком поправляет на столике сложенное полотенце и маленький контейнер с едой. Они на нас смотрят, вежливо кивают.

Без колебаний занимаю стратегически выгодную нижнюю полку и начинаю распахивать вещи. Чемодан задвигаю под полку, сумку с «гостинцами» кое-как впикиваю в промежуток между стеной и сиденьем.

Мама тем временем суетится: встряхивает подушку, проверяет, хорошо ли задвинуто окно, поправляет на мне воротник джинсовой куртки.

— Так, ещё раз, — она принимает свой наставительный вид. — Позвони, как приедешь. Ешь нормально, не только кофе и булки. С незнакомыми никуда не ходи. Документы держи при себе. Телефон заряжай вовремя. В темноте одна не шляйся. Помни, что у тебя есть дом, семья и мозги. Последнее — особенно. Поняла?

— Поняла, — мягко отвечаю. — И вообще, я же не котёнок из коробки. Разберусь. Да и не в другой мир еду, а всего лишь в Москву.

— Для меня это и есть другой мир, — бурчит она, но глаза уже блестят. Проводит ладонью по моей щеке, потом выпрямляется, собирается. — Ладно. Сейчас расплачусь пря-

мо тут, люди смотреть будут.

Громкоговоритель объявляет отправление. Вагон чуть вздрагивает, будто вздыхает перед рывком.

Мама спохватывается:

— Всё, мне пора. — чмокает в обе щеки и, быстро перекрестив меня, шепчет: — Береги себя.

Выходит, в коридор.

Через минуту она уже на перроне. Я выглядываю в окно: мама стоит напротив нашего вагона, в толпе, но для меня она — единственный чёткий силуэт. Кофта чуть велика, съехала на одно плечо, руки крепко сжаты в замок. Увидев меня в окне, начинает махать так оживлённо, что сумка опасно подпрыгивает.

Я улыбаюсь, прижимаюсь ладонью к стеклу, посылаю ей воздушный поцелуй. В горле встаёт тяжёлый, горячий ком. Хочется выбежать обратно, вцепиться ей в шею и сказать: «Ну его, этот престижный вуз. Останусь здесь с вами». Но поезд уже дёргается, набирая ход. Перрон медленно плывёт назад, лица размазываются в цветные пятна.

Мама всё машет и машет рукой, пока её силуэт не растворяется в толпе.

Я опускаюсь на полку. Вагон наполняется размеренным гулом — стук колёс, чьи-то приглушённые разговоры, звон посуды, где-то дальше. Пожилая пара напротив, о чём-то шепчется, не мешая, будто уважая моё право на небольшую, личную драму.

Сбрасываю с ног кеды, поджимаю ноги, устраиваюсь поудобнее. Старенькая подушка в выцветшей наволочке оказывается на удивление мягкой, пахнет чемто детским — крахмалом, чистым хлопком. Вставляю в уши наушники, включаю плейлист — знакомые треки накрывают, как тёплое одеяло.

Веки тяжелеют. Поезд плавно покачивает, ритмичный стук колёс убаюкивает. Мысли начинают блуждать.

Через неделю начнётся учёба. Университет. Новая жизнь.

Я бы хотела жить в общежитии, иметь обычную студенческую жизнь: маленькая комната, заваленная конспектами и кружками, ночные посиделки перед сессией с одногруппниками, сплетни на общей кухне. Но стоило мне только упомянуть слово «общага», как папа нахмурился, а мама тяжело вздохнула:

«Милая, ты же знаешь, как мы переживаем. В общежитии сложно сосредоточиться на учёбе, слишком много соблазнов и отвлекающих факторов. Там никто не следит за порядком, никакой дисциплины» — примерно так это прозвучало.

Если перевести с родительского: они боятся, что вместо лекций у меня начнутся вечеринки, вместо зачётов — романы, а о целях и мечтах я забуду.

В итоге вместо шумной студенческой общаги меня ждёт персональная «золотая клетка» в роскошном особняке у Дымова Вадима Сергеевича.

В далёких восьмидесятых, где-то в афганской глуши, папа

вытащил Дымова из-под завалов, рискуя собственной жизнью. С тех пор тот считает, что обязан отцу всем.

Вернувшись из армии, Дымов занялся бизнесом и очень быстро выбился в люди. Помог папе с работой, с домом, вытягивал нас в трудные периоды, всё время повторяя: «Долг платежом красен».

Теперь он добрался и до меня. С помощью своих связей подсобил с поступлением в вуз. Я, конечно, могла бы и сама — с моим аттестатом и результатами экзаменов вероятность зачислиться на бюджет была велика. Но родители решили, что это редкий шанс из тысячи попасть не в наш заштатный филиал в Воронежской области, а в лучший вуз страны. От такого не отказываются.

Согласилась.

Папиному армейскому другу этого показалось мало. Помимо учёбы, он решил приютить меня у себя. «Чтобы не тратились на съём жилья, чтобы Лину не мотало по общагам, чтобы я мог присмотреть», — говорил он. Короче, окружить заботой. Забота, правда, с большой буквы «З», выведенная золотым тиснением на фоне его безграничного богатства.

Я ничего не имею против Вадима Сергеевича. Он всегда относился к нам тепло, честно помогал. И я верю, что его предложение продиктовано лучшими побуждениями. Но мысль о том, что мне предстоит жить в их доме, всё равно вызывает во мне нервную дрожь. Словно меня, обычную рыбёшку, внезапно решили пересадить в аквариум к экзотиче-

ским рыбам, когда ты привыкла плавать в тихом пруду.

Я отчётливо помню тот день, когда Дымовы впервые появились на пороге нашего скромного дома.

Дядя Вадим — рослый, широкоплечий, с прямой спиной и тем самым армейским прищуром. В нём чувствовалась сила, уверенность, деньги — но без напускного пафоса. Говорил просто, почеловечески, мог сесть за наш старый стол, похвалить мамину запеканку так, что она краснела до кончиков ушей.

Его жена, тётя Лена, — воплощённая мягкость. Элегантная, ухоженная, с тёплыми глазами и голосом, который всегда звучал так, будто она вотвот начнёт рассказывать сказку. Её уже два года нет, а я всё помню её, словно сказочную фею, случайно заглянувшую в наш провинциальный мирок.

Они понравились мне сразу. Простые, живые, настоящие.

Но их сын

Всего на два года старше меня, но тогда казался целой пропастью. Высокий, тощий, с чёрной, как смоль, чёлкой, которая всё время падала ему на глаза, закрывая поллица. Эта прядь сводила меня с ума. Хотелось выдернуть её с корнем или схватить ножницы и отрезать к чёртовой матери.

С первого взгляда я поняла: мы с ним не сойдёмся.

Практически с самого порога он поморщился и, даже не поздоровавшись, выдал: "У тебя дурацкие косички".

А потом смотрел на меня так, будто я прилипший кусок грязи к его неприлично дорогими для нашей улицы кроссов-

кам. Смотрел сверху вниз, с холодной оценкой, от которой мне хотелось вжаться в пол. В нём не было ни капли той теплоты, что светилась в его родителях.

Он был другим. Как лёд, который не тает даже под солнцем.

В тот же вечер он вырвал у меня из рук любимую куклу Машу — в ситцевом платье в горошек и с кривой рукой, которую я сама пришила толстыми белыми нитками. Покрутил её в руках с тем самым презрительным выражением, а потом просто оторвал голову. Буднично, спокойно, как будто, так и должно быть.

Мир на секунду рухнул. Я рыдала, захлёбываясь, а он стоял напротив, с мерзкой ухмылкой, и смотрел, как на спектакль.

С этого всё и началось.

Я пообещала себе, что он за это заплатит. И слово сдержала.

Через пару дней увидела, как Демьян с ватагой местных хулиганов курит за сараем. Вот тогда-то я поняла: пришло время возмездия. С чувством законной правоты двинула напрямик к тёте Лене и дяде Вадиму и выложила всё — кто, где, что, сколько затяжек, какие слова. Не упустила ни детали.

Эффект превзошёл все ожидания. По возвращении домой Демьян получил такую взбучку, что, кажется, слышали все соседи.

С той минуты наша взаимная неприязнь превратилась в полноценную войну.

Однажды он подложил мне лягушку в кровать — я приклеила его мяч к полу так, что отдирали потом всем двором. Он облил меня ледяной водой из шланга — я спрятала его кроссовки на крыше кладовки. Он смеялся над моими книжками — я «случайно» пролила на его белоснежную футболку компот.

Родители всё это время только снисходительно улыбались, качали головами и шутили, что мы «жених и невеста». От этих слов меня реально подташнивало.

Прошло десять лет.

Демьяна я не видела столько же. Но стоит даже мысленно представить его самодовольную физиономию, как в груди поднимается старая, добрая волна возмущения. А мысль о том, что мне, возможно, придётся жить с ним под одной крышей, вызывает во мне ледяной ужас вперемешку с бешенством.

В глубине души, конечно, теплится крошечная надежда: что этот идиот благополучно сгинул, гденибудь в аду. Или хотя бы за границей — в какомнибудь престижном вузе для «золотой молодёжи». Оксфорд, Кембридж, Стэнфорд — неважно.

Главное, чтобы наши пути больше никогда не пересеклись, потому что желания увидеть его снова у меня нет. Никакого.

Глава 2 Ангелина

Восемь часов в поезде пролетели незаметно, и вот я уже стою на перроне чужого города, прощаюсь с новыми друзьями, с которыми успела подружиться.

Они растворились в толпе, а я окинула взглядом незнакомый вокзал, не совсем понимая, что делать дальше и куда теперь идти.

Резкий голос за спиной заставил вздрогнуть:

— Соловьёва Ангелина Юрьевна?

Обернулась и увидела безупречного мужчину лет тридцати пяти. Рубашка белоснежная, брюки стильные, туфли начищены до блеска. Короткая стрижка. Лицо строгое, словно выточено из камня – ни единой эмоции. Глаза глубокие, карие.

Немного опешила от такого типажа.

— Да это я.

— Пётр, водитель Вадима Сергеевича. Мне поручено отвезти вас в особняк, — сказал он ровно, без лишних слов. И сразу взял мои вещи — легко, будто там не было ничего, кроме воздуха.

— Прошу, за мной.

Едва успевая за его размеренным шагом, поплелась следом.

Выйдя на парковку, увидела, как Пётр нажал кнопку на

брелоке, и идеально чистый, сияющий «Maubach» моргнул фарами, привлекая внимание. «Вот это да» — промелькнуло в голове.

Водитель молча погрузил багаж и распахнул передо мной заднюю дверь.

Словно в замедленной съёмке, я юркнула внутрь. Салон был нереальным. Белая кожа сидений казалась нетронутой, как первый снег. Боясь оставить на ней хоть малейший след, я приземлилась на самый краешек. Ноги — вместе, руки мёртвой хваткой вцепились в рюкзак, который я ни за что не рискну бросить на белоснежную обивку кресел. В салоне — пьянящий коктейль из запаха дорогой кожи и ошеломляющего богатства. Чувствую себя инопланетянкой, настолько всё чуждо и непривычно.

Бросила беглый взгляд на Петра. Тот сидел с непроницаемым выражением лица и смотрел на меня через зеркало заднего вида. Спокойно, профессионально, без интереса. От этого почему-то стало легче.

Аккуратно поправила съехавшую с плеча лямку рюкзака. Нужно хоть как-то взять себя в руки, перестать вести себя как испуганный зверёк. В конце концов, меня же не украли.

Лёгкая, почти незаметная улыбка тронула мои губы, и я отвернулась к окну.

— Доедем примерно за час, если дорога будет свободна, — сказал водитель. Затем машина плавно тронулась с места, бесшумно скользя по асфальту.

Я кивнула заворожённо наблюдая, как город оживает вокруг. Как мегаполис пульсирует энергией:

высокие небоскрёбы, усеянные тысячами окон, отражали солнце, как зеркала, слепя вспышками света. Их стеклянные фасады казались бесконечными, тянущимися к небу, словно город хотел дотянуться до облаков. Машины сновали вокруг, гудки и сигналы сливались в ритмичный гул. Смотрела на спешащих пешеходов в деловых костюмах, уличных музыкантов с гитарами, на людей, которые гуляли с собаками или просто сидели на лавочках. Улицы были широкими, посаженными молодыми деревьями с аккуратными кронами, а витрины магазинов сияли логотипами брендов, о которых я читала только в журналах. В одном месте мелькнул огромный парк — зелёный оазис посреди бетона, с фонтанами и бьющимися вверх струями.

«Как же это красиво», — подумала я, прижимаясь ближе к стеклу и забывая о неловкости.

Пётр уверенно вёл машину через пробки, пока мы не выехали на ровное загородное шоссе. Город остался позади, уступая место бесконечному полотну дороги. Попыталась хоть что-то разглядеть за высокими, мрачными заборами, тянущимися вдоль трассы, но они надёжно скрывали все, что за ними находится. Лишь редкие проблески света, пробивающиеся сквозь листву деревьев, намекали на существование другой, скрытой жизни.

Поняв, что ничего интересного я так и не увижу, набра-

лась смелости и аккуратно облокотилась на мягкую спинку. Прикрыла глаза. Тело расслабилось, и я вымотанная дорогой заснула, а когда открыла глаза заметила, что мы стоим прямо возле контрольно-пропускного пункта. Тяжелый металлический шлагбаум медленно поднялся, пропуская нас на территорию, охраняемую как секретный бункер.

И вот только тогда у меня по-настоящему ёкнуло: я не просто «приехала в гости». Я заехала туда, где всё устроено иначе. Где есть правила, охрана, порядок. Где чужим не место.

Впереди увидела дом. Не дворец с колоннами, не сказка из прошлого века. Современный, большой, строгий, будто архитекторы рисовали его линейкой: стекло, бетон, темное дерево, много света. Панорамные окна отражали небо. Во дворе — ровный газон, дорожки из плит, низкие кусты, аккуратные деревья. В центре — большой прямоугольный декоративный пруд с подсветкой по краям. Всё выглядело дорого, но без показухи.

Я застыла, будто мозг отказывался принять реальность.

Пётр вышел, открыл дверь.

— Мы приехали.

Выбралась из дорогущего авто и невольно замедлилась. Отсюда не хотелось делать лишних движений — настолько всё было идеальным. Водитель уже забрал сумки и спокойно пошёл к парадному входу.

Сделала глубокий вдох и двинулась за ним.

Дверь открылась почти сразу. На пороге стояла женщина — не строгая «домоправительница из сериала», а ухоженная, собранная, в светлой рубашке и тёмных брюках. Волосы убраны, минимум макияжа, взгляд внимательный.

— Здравствуйте, я Ирина, — произнесла она мягко, пропуская меня в дом. — Проходите, пожалуйста. Вадим Сергеевич вас ждёт.

Переступив порог, я замерла, пытаюсь осмыслить масштаб увиденного.

Стиль минимализм, но в самом дорогом его проявлении. Белые стены, зеркальные поверхности, лаконичная мебель из натуральных материалов. Ничего кричащего, только спокойная роскошь, подчеркнутая искусно расставленными акцентами. Огромные вазы с экзотическими цветами, и картины в стиле абстракционизма. Воздух свежий и прохладный, напоенный легким ароматом цитрусов.

— Я покажу вам комнату чуть позже. Сейчас пройдёмте в гостиную.

Не успела я хоть немного прийти в себя, как из дальнего конца холла послышались торопливые шаги, а затем передо мной появился и сам хозяин. Он заметно постарел, но в его глазах горел тот же тёплый блеск, который я помнила из детства. Увидев меня, он расплылся в широкой улыбке:

— Ангелина! — воскликнул он громко. — Ну, наконец-то! Как я рад тебя видеть!

Стремительно подошел ко мне и заключил в крепкие объ-

ятия.

— Дай-ка я на тебя посмотрю, — сказал, отстраняясь и с улыбкой рассматривая меня. — Боже мой, какая ты стала взрослая! Прямо глаз не оторвать! Красавица!

Смущение волной нахлынуло на меня. Щеки порозовели. Я чувствовала себя неловко под его внимательным взглядом, но в то же время мне было приятно.

И тут я заметила ее. Невероятно красивая женщина – высокая, стройная, со стильной прической и в элегантном платье. Ее холодный, пронзительный взгляд синих глаз был направлен прямо на меня. В нем не было ни капли тепла, лишь любопытство и нескрываемое недоброжелательство.

Я поняла сразу: я ей не понравилась. Не потому, что что-то сделала. Просто факт моего появления здесь ей был неприятен.

— Ангелина, позволь представить тебе мою жену, Валерию, — сказал Вадим Сергеевич, поворачиваясь к ней. — Лера, это Ангелина, дочка моих хороших друзей. Это про нее я рассказывал.

Лера слегка кивнула, и медленно подошла, держась с грацией и достоинством королевы.

— Добро пожаловать, — сухо произнесла она, растягивая губы в фальшивой улыбке.

Взгляд будто оценивал: на сколько проблем я потяну.

— Надеюсь, тебе у нас понравится.

— Спасибо, — ответила я тихо, ощущая неловкость.

Вадим Сергеевич повёл нас дальше, говорил что-то о дороге, о том, что я устала, что мне нужно освоиться. Я кивала, отвечала, улыбалась. Но внутри всё равно чувствовала: я здесь лишняя. По крайней мере — для Леры.

Позже Ирина поднялась со мной наверх.

— Ваша комната готова. Полотенца в шкафу. Ужин внизу через час. Если что-то потребуется — просто скажите, — сказала она, открывая дверь в конце коридора.

Я поблагодарила, закрыла дверь и только тогда позволила себе выдохнуть.

Комната оказалась не гостевой «каморкой», как я втайне ожидала, а полноценной спальней. Светлые стены, большое окно с плотными шторами, широкая кровать с серым покрывалом, рабочий стол, аккуратный стеллаж. На тумбочке — лампа с мягким светом. В углу — кресло, в котором, кажется, можно утонуть. Огромный встроенный шкаф. Даже своя ванная комната имеется.

Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Позвонила маме. Приняла душ. Переделалась и спустилась к ужину.

За столом Вадим Сергеевич говорил много, расспрашивал про родителей, про мои планы на будущее. Я отвечала на вопросы и ловила себя на том, что жду шагов. Любых признаков, что Демьян войдёт. Что мне придётся поднять глаза — и встретиться с ним.

Но время шло, а он так и не появился. Хотя я уже навер-

няка знала: он живёт здесь. Он тут. Это чувствовалось даже в том, как избегали тему, как Лера один раз слишком резко сменила разговор, когда Вадим Сергеевич упомянул сына. Это было странно.

Когда я поднялась в комнату, было поздно. Я выключила верхний свет, оставила только лампу у кровати. Легла, натянула одеяло до подбородка и попыталась уснуть.

Не получилось.

Новый дом дышал по-другому. Тишина здесь была не уютной, а внимательной. Словно стены всё слышат. Лежала и прислушивалась к коридору: шаги, голоса, дверь где-то далеко, еле заметный скрип — и сердце каждый раз делало лишний удар.

Мысли упорно возвращались к Демьяну.

Я представляла, как мы столкнёмся. Знает ли он что я приехала? Если да. Что скажет? Как посмотрит? Пройдёт ли мимо, будто меня нет, или наоборот — захочет показать, кто здесь хозяин. Я заранее злилась, заранее оправдывалась, заранее проигрывала разговоры, которых ещё не было.

Перевернулась на бок. Потом на другой.

Закрыла глаза сильнее, будто так можно выключить голову, но вместо сна приходило только напряжение. Постоянно крутилась мысль о Демьяне. Где он может быть. В своей комнате? На кухне? Во дворе? Или его и правда нет?

Под утро сон всё-таки накрыл меня — короткий, рваный. Но проснулась я неожиданно бодрой. Как будто организм ре-

шил: раз уж уснуть нормально не получилось, то хотя бы не раскисать.

Я собралась, спустилась к завтраку, стараясь выглядеть спокойной. И снова — облегчение, почти радость: Демьяна за столом не было.

«Если так пойдёт и дальше, — подумала я, пробуя воздушный омлет, — и этот высокомерный индюк не будет докучать мне своим присутствием, то жить здесь будет терпимо. Даже, возможно, вполне комфортно».

Но, как известно, мироздание обожает вносить свои коррективы в человеческие планы. Только я успела насладиться мнимой свободой, как спокойствие утра было разорвано на части оглушительными женскими криками. А потом в гостиной мелькнул силуэт.

Девушка, словно античная фурия, с развевающимися волосами и искаженным от ярости лицом, пронеслась мимо, взметнулась по лестнице на второй этаж, не переставая выкрикивать самые разнообразные и витиеватые ругательства.

Вадим Сергеевич и Лера одновременно поднялись. Переглянулись так, будто это уже не новость.

Я застыла с вилкой в руке.

И через пару минут сверху раздался грохот шагов — тяжёлых, быстрых, уверенных.

По лестнице, перепрыгивая через ступеньки, слетел он. Демьян Дымов.

Глава 3 Ангелина

Когда Демьян появился в гостинной, сердце дернулось, замерло, пропустило удар. А потом словно сорвалось с цепи и забилось в бешеном ритме.

Десять лет я его не видела, и мозг ещё пытался подсовывать мне старую картинку — худого, злого, патлатого пацана, с которым я когда-то воевала. Но реальность была другой.

Передо мной стоял мужчина. Опасно красивый мужчина. Темные волосы коротко подстрижены. Высокий лоб. Густые брови. Ресницы неожиданно длинные, почти женские, только взгляд прежний — холодный, тяжелый. Скулы — острые, резкие, будто выточенные. Лицо стало жестким, взрослым. Ни намек на прежнюю мальчишескую мягкость.

Нос прямой, четкий профиль. Легкая щетина подчеркивала линию челюсти. Он был тем типом мужчин, которых замечают сразу. Даже если не хочешь. Даже если очень стараешься не смотреть.

Но я все равно смотрела как будто у меня украли волю. Черная футболка плотно обтягивала его торс. Ткань была тонкой, и под ней отчетливо проступал рельеф мышц. Широкие плечи. Мощная грудная клетка. Сильные, жилистые руки, с выступающими венами на предплечьях. Он выглядел так, будто спортзал для него не хобби, а образ жизни.

Его талия была тонкой, что выгодно оттенялось модными

джинсами, плотно облегавшими фигуру. Простой кожаный ремень дополнял образ, акцентируя внимание на стройных ногах и сильных бедрах.

Он стал другим. Слишком другим.

Мой взгляд сам скользил по нему. Медленно. От волос до кончиков кроссовок. Я не могла себя остановить. Оценивала каждую деталь. Каждый миллиметр этого нового, взрослого Демьяна.

И это было ошибкой.

По коже пробежали мурашки, когда его взгляд, бегло окинув комнату, зацепился за меня. Будто впился. Глубокие. Черные глаза. Не просто злые — опасные. В них было что-то хищное. Что-то, от чего хотелось одновременно отступить и подойти ближе.

Секунда. Долгая, мучительная секунда. Взгляд дернулся. В нем мелькнуло: «Не может быть». Потом — узнавание. И сразу же вспышка. Ярость. Чистая, жгучая. Накрыла его так резко, что это почти было слышно.

Ничего не изменилось. Его отношение ко мне. Фирменная неприязнь — все на месте.

Уголки моих губ сами собой приподнялись. Легкая, почти дерзкая ухмылка. Не потому, что мне было весело — скорее, потому что иначе я бы выдала свой страх.

Я увидела, как она попала точно в цель.

Линия его челюсти напряглась. Он сделал вдох — короткий, сдержанный.

А потом... резко развернулся и вышел. Дверь хлопнула так, что где-то звякнуло стекло.

В гостиной повисла пауза, как после выстрела. Я едва удержалась, чтобы не выдохнуть слишком громко.

Вадим Сергеевич раздраженно потер переносицу. Усталый, тяжёлый жест, но под ним читалось не только бессилие — злость тоже. Сжатые губы, закаменевшая челюсть, напряжённые плечи. Он явно сдерживал себя, чтобы не рвануть следом и не устроить разнос.

Валерия, напротив, будто расцвела. В глазах вспыхнула та самая злобная радость, которую она даже не особо пыталась спрятать.

— Я же тебе говорила, Вадим! — прошипела она, не отрывая взгляда от двери. — Этот мальчишка превратит нашу жизнь в ад! Вечно вляпывается в скандалы, позорит семью! Сколько мы будем это терпеть?

Голос звенел льдом. Каждое слово — отравленная стрела, пущенная в спину Демьяна.

Незнакомка, что стояла позади, продолжала рыдать. Потом рухнула на подушки, вжавшись в них, как в спасательный круг. Хрупкие плечи мелко вздрагивали в беззвучной истерике.

— Он... он мне опять изменил! — всхлипывала она, задыхаясь. — Я видела фотографию... Они выходили в обнимку из ночного клуба...

«Значить это его девушка?» — пронеслось в голове.

Валерия тут же переключилась на «заботу» так идеально, будто репетировала:

— Лиза, милая, тише, — сказала мягко и присела рядом, не слишком близко, ровно на такую дистанцию, чтобы выглядеть участливой. — Всё наладиться. Вот увидишь.

Слова были правильные. Тон — сладкий как сироп. Но взгляд... взгляд выдавал другое. Не сочувствие. Довольство. Тонкое, почти незаметное, но такое ясное, что у меня внутри всё неприятно сжалось. Валерию радовал не Лизин комфорт. Валерию радовало подтверждение — Демьян снова «неправ», снова «плохой», снова «как она и говорила».

— Ничего не наладится! — выкрикнула Лиза, резко оттолкнув её. — Он меня не любит! Он вообще никого не любит, кроме себя!

На лице Валерии на долю секунды мелькнуло раздражение — короткое, голое. И тут же исчезло. Она снова стала мягкой и терпеливой, как идеальная женщина из рекламы.

Я стояла, как прибитая к полу. Было до безумия неловко. Нужно уйти. Срочно. Но тут Вадим подошёл и виновато посмотрел на меня:

— Ангелина, прости, что тебе пришлось все это увидеть. Не ожидал, честное слово. Не удобно как-то получилось.

— Все в порядке, Вадим Сергеевич, — выдавила я, делая вид, что мне все равно. Хотя внутри все кипело. — Я, пожалуйста, пойду.

Он лишь кивнул.

Поднялась наверх почти бегом, закрыла дверь, прислонилась спиной и только тогда позволила себе вдохнуть нормально.

Потом упала на кровать и уставилась в потолок. В голове крутились обрывки фраз, обиженные крики, звонкий шепот злобы, рыдания. Но все это было фоном. Шумом. Единственное, что стояло перед глазами ясно — Демьян.

Его лицо. Резкое. Волевое. Эти черные глаза, в которых вспыхнули искры, стоило ему разозлиться. Линия шеи. Широкие плечи. Тело под тонкой футболкой — сильное, собранное, до неприличия притягательное.

От одних воспоминаний по коже снова побежали мурашки.

Сердце колотилось, как сумасшедшее. Громко. Часто. Без стыда.

Что со мной, черт возьми, происходит? Почему меня так потрянуло от него?

Это чистое безумие.

Я перевернулась на живот, прижалась лицом к подушке.

Надо взять себя в руки. Заставить себя остыть. Успокоиться и думать трезво.

Это всего лишь первое впечатление. Неожиданное. Слишком яркое. Я не готовилась к встрече, не успела настроиться. Он появился как удар в лицо, и организм отреагировал так, как реагирует на опасность: адреналин, мурашки, сердце в горле.

И всё.

Просто стресс. Просто внезапность. Я в чужом доме, устала, не выспалась.

Я выдохнула и заставила себя поверить в эту версию. Она звучала разумно.

Нужно пережить первые дни. Не лезть на рожон. Не провоцировать. Стерпеть, пока всё не уложится. И, может быть, Демьян... привыкнет. Или хотя бы перестанет реагировать на меня так, будто я персональная катастрофа.

С этой мыслью стало чуть легче.

Я полежала ещё минут десять, просто слушая тишину. Потом заставила себя встать. Умыться. Привести волосы в порядок. Сделать вид, что я взрослый человек, а не девочка, которую только что вышибли из равновесия одним взглядом.

День потянулся ровно, почти буднично. Даже странно — после того, что случилось внизу.

Ближе к обеду, когда поняла, что голодная, я спустилась на кухню. Там всё было как в дорогом шоуруме: чисто, светло, тихо. И Валерия — в идеально гладкой домашней одежде, будто только что сошла с картинки.

Она посмотрела на меня и улыбнулась. Вежливо. Красиво.

— Ангелина, ты как? Уже освоилась?

Тон был мягкий, почти заботливый. Но я слышала под этим: «Скажи, что ты будешь удобной».

— Потихоньку, — ответила я нейтрально. — Дом большой, нужно привыкнуть.

— Конечно, — кивнула она. — Главное, не принимай близко... некоторые особенности. У нас бывают сложные моменты. Ты же понимаешь.

Я сделала вид, что не уловила.

— Я не люблю скандалы, — спокойно сказала я. — Я здесь не за этим.

В её взгляде мелькнуло удовлетворение. Совсем кратко, но я заметила.

— Вот и прекрасно, — произнесла Валерия, и улыбка стала теплее. Ненадолго. — Тогда, уверена, мы поладим.

«Мы поладим» прозвучало так, будто это не предложение дружбы, а условие. Соглашение: будь тихой — и тебя не тронут.

Она спросила, что я люблю на завтрак, удобно ли мне в комнате, не нужно ли докупить что-то. Всё правильно, всё в рамках. И при этом ни одного лишнего шага ко мне. Не человек — идеально выстроенная граница.

После обеда Лера ушла по своим делам. Дом снова стал тихим, как офис в выходной. Я прошлась по коридорам, заглянула в маленькую библиотеку, вышла на террасу. Погода была тёплая, воздух пах соснами и свежей травой. В этом месте можно было бы даже расслабиться, если бы не чувство, что всё это не твоё и никогда не станет твоим.

Демьяна не было.

И это оказалось неожиданно... удобно.

Я могла ходить по дому, не оглядываясь каждые пять секунд. Могла спокойно налить себе воды, не ожидая, что за спиной сейчас появится он.

Ближе к вечеру позвонили родители.

— Ну как ты там? Всё нормально? — мамин голос был тревожный. — Мы места себе не находим.

— Всё хорошо. Дом... огромный, — я попыталась сказать это легко. — Комната отличная.

— А Вадим? — спросил отец на фоне. — Как он?

— Вадим Сергеевич очень... внимательный. Всё время спрашивает, не нужно ли что-то. Сказал, чтобы я чувствовала себя как дома.

Я произнесла это и чуть не усмехнулась. Как дома. Да. Конечно.

— А как там... Валерия? — осторожно спросила мама.

Я помолчала секунду.

— Вежливая, — выбрала самое безопасное слово. — Немного... строгая. Но без скандалов.

— Главное, чтобы тебя не обижали, — в голосе отца появилась жёсткость. — Ты сразу говори, ясно?

— Пап, никто меня не обижает. Просто непривычно. Я адаптируюсь.

Мама ещё долго расспрашивала про дом, про еду, про постель, как будто эти детали могли защитить меня на расстоянии. Я отвечала спокойно, даже смеялась, чтобы она не услы-

шала, как у меня внутри всё ещё сидит напряжение после встречи с Демьяном.

Про него я не сказала ни слова.

Не потому, что скрывала. Потому что не хотела произносить его имя. Как будто стоит сказать — и он снова окажется рядом.

Когда разговор закончился, я ещё минуту держала телефон в руке и смотрела на экран. Потом положила его и тихо выдохнула.

Вечер прошёл ровно. Вадим Сергеевич был дома, усталый, но спокойный. Валерия — собранная, как всегда. Они говорили о делах, о каких-то встречах, о планах на неделю. Я вставляла короткие фразы, улыбалась.

Демьяна снова не было.

И в какой-то момент мне показалось: может, так и будет. Может, он просто живёт своей жизнью и появляться рядом со мной не собирается. Может, я зря накрутила себя.

Перед сном приняла душ, переоделась в пижаму, забралась в постель и включила на телефоне музыку почти без звука — просто чтобы не слушать тишину.

Потушила свет.

И как раз тогда дом, который весь день казался спокойным, вдруг изменился.

Сначала — далёкий хлопок входной двери. Глухой, тяжёлый. Потом — шаги вниз. Короткую реплику мужским голосом — не разобрала, но узнала интонацию. Резкая, сдер-

жанная.

Меня словно обдало холодом.

Демьян.

Сердце снова вспомнило своё утреннее безумие и попыталось повторить. Я прижала ладонь к груди, будто могла удержать его рукой.

Шаги поднялись по лестнице. Медленно. Не спеша. Как будто он специально не торопится.

Идёт по коридору.

Ближе. Ещё ближе.

Я лежала неподвижно, но слух стал острым, как у зверя. Я различала каждое касание подошвы к полу. Каждый короткий скрип. Он шёл так, будто знает: я не сплю. И будто ему важно, чтобы я это поняла.

Шаги остановились.

Прямо у моей двери.

Тишина.

Такая, что я услышала собственное дыхание.

Пауза затянулась. Я уже почти решила, что сейчас дверь откроется и он войдёт. Даже представила как ручка медленно опускается, как щёлкает замок, как в проём ложится его тень.

У меня пересохло во рту. Лежала, не шевелясь, будто если замру — меня не заметят. Глупо. По-детски. Но тело не слушалось.

Тишина давила.

И вдруг шаги снова двинулись.

Не ко мне. Мимо. Дальше по коридору. Один шаг. Второй. Третий. Потом — короткая остановка, будто он повернул ключ или толкнул дверь. И следом глухой хлопок. Не такой, как внизу. Ближе. Рядом.

Соседняя дверь.

Не на другом этаже. Не в другом крыле.

Соседняя...

Глава 4 Демьян

— Мерзкий предатель! — звонкий женский голос прорвался сквозь сон подобно назойливому рингтону, который никак не можешь выключить. А затем в меня прилетает целая волна ледяной воды. Каждое волокно кожи воспротивилось внезапному холоду, вынуждая резко вскочить и принять сидячее положение.

— Ну, здравствуй, подлец!

— Ты совсем свихнулась? Что происходит? — зло прошипел я, смахивая с лица капли влаги.

— Что происходит? Да ничего особенного. Просто ты опять мне изменил. Пустяки, правда? — истерично завопила девушка, мечась по комнате.

Устало выдохнув, я встал с кровати и молча принялся переодеваться. Мне порядком надоели эти сцены. Взбалмошная истеричка достала — честное слово. Иногда мне хочется послать её на хер в самой грубой форме. Но не могу. Два года назад я дал обещание матери, что не обижу её.

Наши родители дружили семьями – мой отец и отец Лизы партнёры – и мы с детства крутились друг у друга под ногами. Она была для меня просто фоном: девчонка, которая всегда, где-то рядом, но не более. Обычная, никаких звёзд с неба. Я не видел в ней ни «судьбы», ни «идеальной пары», как об этом мечтали наши предки.

Но чем старше мы становились, тем навязчивее были их намёки. «Вы так подходите друг другу», «какая красивая пара получится», «вы же с детства вместе» — одно и то же, из года в год. Им уже виделась свадьба, белое платье, общие фотографии в семейном альбоме, внуки, продолжение рода, бизнес, который останется «в семье». Они рисовали розовую картинку, в которой мне отвели роль послушного жениха, а Лизе — идеальной невесты.

А я... я просто слишком хорошо видел изнанку всех этих сказок.

Любовь, брак, половинки — для меня не волшебство, а хреново работающая система.

Наверное, это всё есть. Где-то. У кого-то. Я даже видел редкие пары, которые смотрят друг на друга так, будто вокруг больше никого нет. Но также наблюдал как эти «великие чувства» заканчиваются делёжкой имущества, ором в коридоре и пустыми глазами людей, которые вчера клялись жить «пока смерть не разлучит». Видел, как те, кто вчера целовался на кухне, сегодня холодно проходят мимо друг друга, как незнакомцы. После такого начинаешь меньше верить словам и красивым обещаниям и больше — поступкам и фактам.

Привычка, страх одиночества, удобство, голый расчёт — вот что движет каждым из нас. Только одни честно себе в этом признаются, а другие выдумывают «судьбоносные встречи» и «любовь до гроба» чтобы не видеть в зеркале го-

лую правду.

К Лизе я, не чувствовал ничего. Вообще. Пустота. Максимум – лёгкое раздражение, когда она начинала лезть в мою жизнь. Но... была мама. Она её обожала. И в какой-то момент, когда мать больная, бледная, уставшая, с капельницей в руке, взяла меня за пальцы и тихо сказала, глядя прямо в глаза:

«Обещай, что ты будешь с Лизонькой. Она хорошая. Надёжная. Домашняя. Та, с которой ты будешь счастлив, а я буду спокойна за тебя...»

Согласился.

Вот так всё и началось. Не с внезапной страсти, не с волшебной ночи, не с какого-нибудь охрененного взгляда через комнату. И тем более не потому, что влюбился, и увидел в Лизке «своё будущее». Нет. Всё началось с моей слабости. С того, что я не смог сказать «нет». Потому что хотел, чтобы маме в тот момент стало хоть чуть-чуть легче. Хоть на грамм спокойнее.

Я дал ей слово. Тупо. Как последний идиот.

Убедил себя, что как-нибудь разберусь. Что, может, привыкну к Лизе, пойму, что она мне нужна, что-то внутри щёлкнет, заискрит, потянет. Или хотя бы мы сможем спокойно сосуществовать как пара – без большой любви, без вечных соплей, просто как союз двух взрослых людей, которые умеют договариваться.

Ни хрена не вышло. Наоборот: чем дольше мы были вме-

сте, тем сильнее меня тошнило от самой мысли о совместном будущем. Вместо тепла – ком в горле, вечное чувство вины и липкое раздражение.

Я не мог на неё смотреть без этого неприятного привкуса, что предал себя, свои границы, свои «не хочу» — ради обещания, которое уже некому контролировать, кроме моей собственной совести.

Я много раз говорил Лизе, что так дальше нельзя. Спокойно, по-хорошему, по-плохому – по-всякому. Предлагал расстаться, объяснял, что из нас не получится нормальная пара, что мы только треплем друг другу нервы. Она кивала, соглашалась, делала вид, что поняла... а потом через неделю снова устраивала сцены, ревновала к каждой тени, лезла в телефон, устраивала слезки.

Понимаю, как это звучит, но это правда.

Молча сменил мокрую футболку на сухую. Бросил её прямо на пол и принялся натягивать джинсы, попутно уворачиваясь от града сыплющихся в меня вещей. Книга, стакан, электронные часы. Последние вообще пролетели буквально в сантиметрах от моего носа, едва не оставив на нем отпечаток от циферблата. Эта ненормальная пересекла комнату и, приблизившись к прикроватной тумбочке, схватила старинную шкатулку.

— Стой, стой, — перехватываю вещицу из ее ладони. — Это трогать нельзя, это память о матери...

Взамен вкладываю истеричке в руки статуэтку, и развернувшись, бегу на выход.

— Хочешь окончательно свести меня с ума?! — заверещала девушка, и прямо за моей спиной раздался звук бьющегося о стену стекла.

Не оборачиваясь, рванул к лестнице. Переступая сразу по две ступени, шустро сбежал вниз и оказался в гостиной. В затылок ударил тяжелый взгляд отца, а затем раздался грубый бас:

— Как это понимать? Ничего не хочешь объяснить?

«Началось», — пронеслось в голове. Разбирательства. Нравоучения. Наставления на путь истинный.

— Вадим, да что с него взять? Он в очередной раз опозорил семью, — проскрипел мерзкий голос мачехи.

Эта змея подколодная всегда умела бить по больному. Ухмылка, как бы случайно брошенная, слова, отравленные ядом.

Я вскипел.

Захотелось подойти, ухватить её за тонкую холеную шею и выжать из нее всю эту желчь. Заткнуть, наконец, пасть, источающую только ненависть.

Развернулся, готовый послать их всех нах... и хлопнуть дверью... но тут увидел её...

Глава 5 Демьян

Ангелина Соловьева — дочь армейского друга отца. Я узнал её моментально.

Та самая девочка, которую батя ставил мне в пример при каждом удобном случае. Гребаный эталон «умницы и паиньки», которым меня тыкали с детства. Та, которую я ненавижу.

Сколько мы не виделись? Лет десять?

Она, конечно, изменилась.

Светлые волосы перекинута через одно плечо, аккуратная причёска – ни одного выбившегося локона. Лицо правильной формы, нежное, кукольное: лоб, нос, подбородок – всё в каких-то идеальных пропорциях. Большие голубые глаза – чистые, как ледяная вода. Губы чуть поджаты, но уголки едва заметно приподняты. Она выглядит так, будто сошла с рекламного буклета «идеальная дочь идеальных родителей».

Во мне всё похолодело. И точно не от восхищения.

От злости, скручивающей кишки в тугий узел. От какого-то дикого, необъяснимого напряжения, напоминающего одновременный удар в челюсть и солнечное сплетение.

Какого хрена она тут забыла? Кто её позвал? Зачем притащилась? Показать, какая она вся из себя правильная на моём фоне? В очередной раз доказать отцу, что где-то водятся «нормальные дети», а я – ошибка системы? Приехала

лично, чтобы продемонстрировать своё грёбаное превосходство? Бесит... до чёртиков бесит!

Отец считает ее ангелом, но мне-то известно, какова она на самом деле. Помню её ещё сопливой ябедой, из-за которой мне знатно влетало, как делала пакости за спиной, а потом умело маскировала их под невинностью. Она – не ангел, а дьявол в юбке!

Чувствую, как краснею, как будто мне снова десять, и меня наказали из-за какой-то незначительной ху*ни. Кулаки сжались до побелевших костяшек, ногти впились в ладони. Скулы свело, челюсть заныла. Я заставил себя молчать, потому что, если б сорвался... остановить было бы невозможно.

А она просто смотрела.

Спокойно. В упор.

Провела по мне взглядом сверху вниз – от растрёпанных волос до носков кроссовок. Медленно. Смакующе. Словно пробовала на вкус.

От её взгляда в жилах будто прошелся мороз, сменяясь внезапным жаром. По спине пробежали мурашки, рассыпаясь по коже колючей россыпью. Внутри всё одновременно закипело и замерло. Ощущение, будто она раздевает меня взглядом прямо тут, в гостиной, на глазах у отца, этой стервы-мачехи и орущей Лизы.

Словно видит насквозь все мои грёбаные косяки.

И вот, как будто подтверждая мои мысли, уголки её губ дрогнули.

Появилась эта фирменная, до зубного скрежета знакомая усмешка – чуть насмешливая, самодовольная, такая, от которой в детстве мне хотелось швырнуть в неё чем-нибудь тяжёлым.

Блядь.

Она наслаждается.

Стоит тут, в моём доме, среди этого семейного балагана, и получает удовольствие от того, как меня выворачивает наизнанку.

Гул голосов вокруг превратился в невнятный фон. Отец что-то бубнил про «ответственность», мачеха поддакивала, Лиза визжала, размахивая руками, но всё это доносилось словно через воду.

Было только одно: её взгляд, пригвождённый ко мне.

И острое, почти физическое желание – свалить. Прямо сейчас.

Резко развернулся, зацепив локтем вазу на столике – она чудом устояла на краю. И пох*й. Шаг, ещё шаг – и я уже у двери. Хлопнул так, что дом, наверное, вздрогнул.

Воздух на улице ударил в лицо, как пощёчина. Я выругался вслух, достал ключи, чуть не выронив их, пока лез в карман.

Чёрная блестящая «Audi» встретила меня мигающими фарами и коротким сигналом – как единственное существо в этом долбаном мире, которое меня понимает.

Рухнул в кожаное кресло. Дверь за мной захлопнулась с

глухим стуком. Ключ в замок, поворот – и утробный рык мотора, низкий и хищный, прокатился по салону. Этот звук – мой личный сорт героина.

Сцепление, первая, и по газам.

Не просто тронулся – рванул. Вжал педаль газа в пол так, будто пытался прожать её до асфальта. Машина взвилась, оставляя за собой едкий шлейф жжёной резины. Сердце колотилось в бешеном ритме, подгоняя.

60. 80. 100.

Пейзаж мелькал за окнами серой размытой лентой. Клаксоны, крики, чьи-то жесты за стеклом – всё это было где-то далеко. Я существовал только в связке «я – руль – мотор».

Словно в безумной компьютерной игре, лавировал между рядами, впихивал машину в микроскопические просветы, нагло подрезал, ловя в ответ злобные сигналы. Мне было плевать. Я чувствовал лишь, как под моими руками оживает стальной зверь, как хищно вгрызается в асфальт резина, как каждое резкое движение отзывается приятным холодом в животе.

120. 140. 160...

Адреналин в кровь плеснул так резко, что в ушах зашумело. Дыхание сбилось, ладони вспотели.

Я не гнал – я сбрасывал с себя ярость. С каждым оборотом колёс будто сдирал с себя по одному слою.

Несколько километров – и город закончился. Дома поределели. Вырулил на просёлочную дорогу, асфальт здесь ни к

черту, но зато какой простор! Ни камер, ни людей – только я и моя тачка.

Сбросил скорость, и почувствовал, как отпускает, уходит тот бешеный, безумный накал, когда стоишь на самом краю. Свернул на старую, заброшенную трассу, где мы когда-то гоняли с пацанами. Заглушил мотор.

Тишина навалилась сразу – тяжёлым, вязким одеялом. Лишь потрескивал остывающий металл да где-то вдали надрывались крикливые птицы.

Я выбрался из салона, обошёл машину и лёг спиной на тёплый капот. Закрыв глаза, вдохнул глубоко – воздух пах бензином, железом и утренней прохладой.

Достал сигарету, щёлкнул зажигалкой. Оранжевый огонёк дрогнул на ветру. Поднёс к губам, затянулся жадно, до боли в лёгких. Гарь и никотин полоснули по горлу, на миг перекрывая всё. Но ни хрена не отпустило.

С первым же выдохом перед глазами, как на экране, всплыла Ангелина. Как стояла там, позади отца. Спокойная, ровная, выхоленная.

Со злостью зажмурился, выпуская дым в небо.

«Какого хуя именно её лицо мне сейчас рисует мозг?»

Чем сильнее пытался отогнать этот образ, тем чётче она вырисовывалась. Каждая деталь.

Меня перекосило.

Злость встала в груди, как бетонный блок.

Я ненавижу её. Эту правильную, удобную для взрослых

девочку. Всегда вовремя, всегда с «здравствуйте», всегда с идеальными оценками и безупречной репутацией. Живой укор. Живой контраст. Вот нормальная. А вот ты.

Тогда какого черта у меня до сих пор в ушах стоит её молчание, громче всех криков Лизы? Почему её взгляд пробил сильнее, чем весь этот домашний цирк вместе взятый?

Затянулся ещё раз. Резко. Так, что в груди зануло. Хотелось разбить кулаком лобовое, выть – лишь бы не чувствовать этого странного, липкого, беспричинного волнения, которое она во мне подняла.

Раздражало всё. Как она смотрела. Как молчала. Как будто знала обо мне больше, чем я сам. Как будто видела, где именно больно, и туда же давила, даже не прикасаясь.

Очередной раз выругался сквозь зубы и швырнул окурок в сторону. Оранжевый огонёк прокатился по потрескавшемуся асфальту и погас.

Пытаюсь думать о чём угодно: о работе, о вчерашней тусовке, о том, как в который раз облажался перед отцом. Но картинка снова и снова возвращается к одному и тому же: гостиная, шум и она, стоящая посреди всего этого хаоса как спокойно улыбающийся судья.

Меня от этого реально начинало трясти.

Телефон в кармане завибрировал так резко, что я дёрнулся, ударившись затылком о капот.

— Да ёб... — выдохнул сквозь зубы, доставая мобильник. На экране высветилось: Артём.

Конечно. Кто ещё.

Я пару секунд смотрел на дисплей, раздумывая – сбросить к чертям или взять. В груди ещё всё кипело, руки чесались что-нибудь разнести. Вдохнул, выдохнул, провёл пальцами по лицу и всё-таки ткнул по зелёной трубке:

— Да, — выдал хрипло, без приветствия.

— Здорова дружище, ты там живой? — протянул Тёмыч. По фону слышно было, что он где-то на кухне гремит посудой.

Я поморщился, закуривая вторую сигарету:

— Нормально.

— Угу, — коротко хмыкнул он. — Знаю я твоё «нормально». Я чего звоню-то. Мы сегодня к Саньку на дачу едем, помнишь? Уточнить хотел: ты в теме?

Я на пару секунд завис, пытаюсь вспомнить про эту грёбаную поездку. В голове всё смешалось в одну серую кашу.

— В теме. Во сколько?

— К двум договорились. Но, Дем... — он запнулся на долю секунды и продолжил уже другим тоном. — Что с голосом? Ты где?

Я посмотрел на пустую, выжженную солнцем трассу.

— На нашем полигоне, — отозвался глухо.

— С утра? — в голосе друга звякнуло недоброе изумление. — Сейчас только пол-девятого, чувак.

Машинально глянул на экран телефона — действительно, время ещё утреннее, хотя по ощущениям день уже раз два-

дцать закончился и начался заново.

— Рано свалил.

— Свалил от кого? — спокойно, без шуток, без подколов.

Сжал челюсть.

— От всех. Дома с утра бардак с элементами пиздеца.

— Конкретнее, — не отставал Тёма.

Было слышно: он отставил кружку и полностью переключился на меня. — Что-то произошло?

Сказать ему правду было странно. Даже не потому, что я не доверял. А потому, что в голове это звучало тупо.

«Появилась девчонка из детства, и меня переклинило».

Я ведь никогда не рассказывал Артёму про Соловьёву. Не было причины. Да и не думал я о ней нормально, по-человечески. Вспоминал только в одном формате: батя снова заводит свою песню про «дочь Юрия — молодец, умница», и меня накрывает злостью. И всё. Никакого интереса.

До сегодняшнего утра.

А сегодня она стояла в гостиной — взрослая, красивая до раздражения, спокойная, уверенная — и у меня будто из-под ног выдернули опору.

— Дым? — мягче позвал Артём. — Ты со мной?

Я открыл глаза и уставился в выцветшее небо.

— Лизка с утра припёрлась, — начал медленно, вытаскивая привычные, безопасные слова. — С концертом на бис. Опять про измены, про мою бессовестность, всё по сценарию. Потом батя подключился с мачехой. Ничего нового.

«И одна блондинка с ледяными глазами одним появлением сместила мне центр тяжести куда-то под рёбра», — но это я уже добавил про себя.

— То есть всё как всегда?

— Ну, да, — пожал плечами, забыв, что он этого не видит.
— Очередная серия старого сериала.

Мозг вновь услужливо подкинул картинку: её взгляд, скользящий по мне, как рентген. Её презрительная усмешка.

Меня дёрнуло так, что я сам себя испугался. Кулак сжался, и, прежде чем успел притормозить, я со всей силы зарядил им по капоту.

Металл загудел в ответ, отдаваясь в позвоночнике.

— Э! — Артём явно дёрнулся. — Это сейчас что было, мать твою? Ты башкой поехал? По машине херачишь?

Я выдохнул через стиснутые зубы, разжимая пальцы. Ладонь пульсировала тупой болью.

— Да заебало всё, — выдохнул хрипло. — Серьёзно.

— Значит так. План не меняем. К двум приезжай к Саньку. Там поговорим. Но сейчас, Дем, сделай одну вещь.

— Какую? — буркнул я.

— Тебе надо просто прийти в норму. Не летай по городу. Погуляй, подыши, посиди. Хочешь — молчи. Но к двум будь на даче, понял?

Я закрыл глаза.

— Понял.

— И, если всё-таки захочешь выговориться — я рядом,

— добавил он уже тише.

— Спасибо, — выдавил я, почти не слышно.

— Давай, брат, — ответил он просто. — Не пропадай. Напиши, как поедешь.

Связь оборвалась.

Я опустил телефон на грудь и опять уставился в небо. Солнце уже поднялось высоко, обжигая рыжим светом.

И снова, как по команде, перед глазами всплыла «Не Ангел».

Сам не понял, почему она так зацепила. Почему от одного её взгляда внутри всё встало дыбом. Я не знал, зачем она приехала. Кто решил, что ей вообще место в моём доме.

Но одну вещь я знал точно.

Я должен сделать так, чтобы она убралась из моей жизни. Как можно быстрее. Навсегда.

Глава 6 Ангелина

Я проснулась резко, будто меня вытолкнули из сна.

Сначала не поняла, где нахожусь. Несколько секунд смотрела в потолок, на ровную линию карниза, на тень от шторы, и только потом реальность догнала: я не дома.

Август за окном уже был раскалённым. Свет бил в щель между занавесками, и ложился на пол широкими полосами. Воздух в комнате был тёплый, чуть сухой, с запахом дерева и зелени. Где-то далеко гудела машина, потом всё снова стихло.

Я лежала и слушала тишину, как будто она могла подсказать, что происходит за стеной.

Но соседняя комната молчала. И от этого молчания было не легче. Наоборот. В тишине всегда начинает работать воображение, а моё воображение этой ночью не имело тормозов.

Я аккуратно, без резких движений поднялась и сразу почувствовала: тело будто чугунное, напряжение не ушло.

Машинально подтянула одеяло, поправила подушку, расправила край простыни — глупая попытка навести порядок внутри через порядок снаружи.

В ванной умылась холодной водой. Лицо чуть бледнее обычного. Бессонная ночь дала о себе знать.

Выбор одежды не занял много времени. Я перебрала

несколько вариантов и остановилась на самом простом: светлая футболка без всего, джинсы, кеды. Волосы собрала в низкий хвост, несколько прядей выбились у висков, я их пригладила, но они опять выбились. В итоге оставила. Пусть будет хоть что-то живое во мне, не идеальное, как здесь. Никакого макияжа не наносила — только капля бальзама на губы.

В коридоре было тихо. Солнечные пятна лежали на полу, на стене висели фотографии в строгих рамках: идеальная семья, идеальные улыбки, выверенные позы. В этом доме даже счастье выглядело как постановка.

Я спускалась по лестнице медленно, придерживаясь за перила. Шаг за шагом и оказалась на кухне. Тут пахло кофе и тостами. И ещё чем-то сладким — ванилью или выпечкой. Всё было чистое, почти стерильное, как в рекламе. На столе сервировка: белые тарелки, ровные салфетки, приборы блестят.

«Прямо дисциплинированное утор», — ухмыльнулась по себе.

Вадим Сергеевич уже сидел за столом. Рубашка, часы, аккуратно подкатанные рукава. Он сосредоточено изучал какие-то бумаги.

Валерия стояла у столешницы, что-то выкладывала на тарелку. Домашний костюм идеальный, волосы уложены. Лицо спокойное, как маска. Она повернулась ко мне и улыбнулась — той самой улыбкой, которая не греет.

— Доброе утро, Ангелина. Как спалось?

«Никак», — честно ответило бы тело. Но язык был умнее. — Доброе. Нормально, спасибо, — сказала я и села на край стула, ровно, как ученица на экзамене.

Вадим Сергеевич, заметив мое появление, отложил папку и кивнул, тепло, по-настоящему:

— Доброе утро. Завтракай. Сегодня у тебя... день попроще, да?

Я кивнула в ответ, хотя понятия не имела, какой у меня сегодня день.

Положила себе омлет. Отрезала маленький кусочек, поднесла ко рту и не смогла проглотить. В горле будто стоял ком. Не от волнения даже — от напряжения. Как будто организм решил: «Пока опасность рядом — еду не принимать».

Сделала глоток воды. Проглотила. Кусок омлета всё равно остался тяжелым комком.

В этот момент я слышала уверенные шаги по коридору первого этажа. Ритм ровный, тяжёлый.

У меня напряглась спина так резко, будто кто-то потянул за невидимую нитку. Плечи сами встали ровнее. Ладони сжались на вилке и ноже.

Валерия даже не повернула головы. Только чуть замедлила движение, на долю секунды — едва заметно.

Вадим Сергеевич поднял взгляд к двери.

Пришел Демьян.

На нём была чёрная футболка без надписей, но не вчерашняя — другая, плотнее, с коротким рукавом. На шее тонкая,

едва заметная цепочка. Джинсы тёмные. На запястье часы, крупные, строгие. Волосы после душа — влажные, уложены небрежно. Он зашел в комнату и пространство заполнилось свежестью и чем-то холодным — мятой или мужским гелем. Запах ударил в меня неожиданно, как близость, которую я не просила.

Этот говнюк даже не поздоровался. Скользнул взглядом по отцу. Потом — по столу. И только потом, как будто случайно, как будто мимоходом, он посмотрел на меня.

У меня пересохло во рту. Почувствовала, как пальцы на приборе дрожат, и сжала вилку сильнее, почти до боли. Лишь бы не выдать. Лишь бы металл не звякнул о тарелку.

Он отвёл взгляд первым.

Подошёл к столу, одним движением отодвинул стул по другую сторону. Сделал это нагло, раскрепощенно, будто специально выбирал самое неудобное для меня место. Сел вальяжно откинувшись на спинку.

И вот тогда я поняла: хуже, чем он рядом, может быть только он, напротив.

— Доброе утро, — сказал Вадим Сергеевич.

Демьян кивнул. Одним движением. Без слов.

Валерия улыбнулась:

— Демьян, что ты будешь завтракать? Я могу сделать...

— Я сам, — коротко отрезал он, даже не глядя на неё.

У Валерии на долю секунды дёрнулась щека, будто сдержала раздражение. Но она тут же снова стала гладкой и веж-

ливой, как будто ничего не произошло.

Демьян налил себе кофе. Взял тарелку. Положил еду — без суеты, без спешки, движения точные.

Я не могла не замечать детали: как у него напрягаются пальцы на чашке, как сухожилия проступают на кисти.

Снова попыталась поест. Отрезала крошечный кусочек. Поднесла ко рту.

И снова — будто некуда.

Грудь была слишком тесной. Дыхание — слишком поверхностным. Ладони продолжали дрожать.

Я удерживала их усилием, как удерживают дверь, которую вырывает ветер. И всё равно нож тихо коснулся фарфора.

Едва слышный звук.

Но Демьян услышал.

Поднял глаза. Взглянул на мои руки, потом перевёл взгляд на лицо, и на его губах мелькнула усмешка — быстрая, едкая, как царапина.

Сделала вид, что ничего не происходит. Отпила ещё глоток воды. Почувствовала, как стакан дрогнул. Поставила его медленно, и выдохнула.

Вадим Сергеевич прокашлялся.

— Демьян, хочу тебе кое-что сказать, — произнес он спокойно.

Демьян не торопился отрываться от еды. Спокойно положил себе на тарелку ещё омлет, сделал пару неторопливых движений.

— Слушаю, — наконец сказал он, все так же не поднимая головы.

— Ты ведь помнишь Ангелину? Дочь Юрия и Марины. Ты вчера..., — он запнулся на последнем слове. Выдохнул и продолжил: — Так поспешно ушел. Даже не поздоровался. Но ничего теперь у вас будет много времени пообщаться, ведь Лина теперь будет жит у нас.

Я замерла, хотя и так была каменной. Это прозвучало официально, как решение, которое не обсуждают. Мне захотелось исчезнуть под стол.

Демьян поднял взгляд на отца.

Лицо у него не изменилось. Почти.

Но я увидела, как на секунду напряглась челюсть, как остановилось движение вилки, как чуть сузились глаза — не от удивления даже, а от мгновенной злости, которую он проглотил так же быстро, как кусок еды.

Потом он медленно, с явной демонстративной аккуратностью положил прибор и произнёс спокойно, как будто речь шла о погоде:

— Я не удивлён. Ты же у нас привык тащить в дом кого попало.

Последние слова были сказаны так, что намёк повис в воздухе тяжелее дыма.

Демьян на секунду скользнул взглядом в мою сторону. Коротко, холодно. Этого хватило, чтобы я чуть сильнее сжала пальцами вилку.

В кухне стало тихо, как перед ударом.

Вадим Сергеевич резко встал, стул скрипнул.

— Демьян! — крикнул он и его голос прозвучал резко, властно, с явным оттенком подавленного гнева.

Тот даже не дёрнулся. Только чуть приподнял бровь. На лице снова появилась наглая улыбка. Правда уже шире, откровеннее. Как будто он специально проверял границы. Как будто ему нужно было вывести отца из себя и убедиться, что может.

— Что с тобой происходит? Ты вообще себя слышишь? Как ты разговариваешь?

— Нормально разговариваю, — пожал плечами этот идиот и откинулся на спинку стула ещё сильнее. Раскрепощённо. Почти лениво. — Честно.

— Честно? Вадим Сергеевич почти зарычал. — Ты считаешь честным так говорить при ней? Ты понимаешь, что Ангелина здесь не чужая?

Демьян медленно повернул голову ко мне.

Взгляд презрительный. Режущий. Он будто примерял, насколько мне можно сделать больно словами:

— А кто она? — спросил спокойно.

Я поймала себя на том, что хочу ответить сразу, резко. Но сдержалась. Нахватало еще отвечать на его провокацию при всех.

Вадим Сергеевич не стал отвечать лишь заговорил быстрее, горячее:

— Она будет жить здесь, и будет учиться в твоём университете. Вам придётся пересекаться. И ты будешь вести себя нормально. Понял?

Вот теперь Демьян чуть изменился. Не вспышка, не скандал. Ничего явного. Просто в глазах что-то щёлкнуло. И улыбка стала тоньше.

— Университет, — повторил он медленно. — Отлично. Вадим Сергеевич сжал кулаки.

— Я не узнаю тебя. Почему ты так реагируешь на Ангелину? Что она тебе сделала? Я помню, что вы дружили. Ты ей помогал, вы вместе носились... Я думал, вы нормально ладили.

Демьян усмехнулся. Тихо. Опять так, будто ему смешно не из-за шутки, а из-за наивности.

— А ты уверен, что помнишь, как мы «ладили»? — спросил он. — В детстве ты много чего не видел.

— Я видел достаточно, чтобы знать: ты сейчас ведёшь себя как... — Он сдержался, но голос сорвался. — Как будто ты специально хочешь её унижить. Ты зачем это делаешь?

— Просто такой я, — развел руками.

Дядя Вадим резко выдохнул:

— Ты взрослый парень. Живёшь в моём доме. И будешь вести себя подобающе. Без этих твоих... выпадов. Слышишь?

Демьян не спорил.

Снова улыбнулся. Той самой дурацкой улыбкой, которая

не соглашается и не извиняется. В ней было: «кричи, пап, я всё равно сделаю по-своему».

— Слышу.

Вадим Сергеевич, кажется, хотел сказать ещё что-то, но остановился, будто понял: если сейчас надавит сильнее, будет ещё хуже.

Демьян неторопливо поднялся из-за стола. Словно он завершил разговор, когда захотел. Посмотрел на нас всех по очереди и произнёс ровно, почти вежливо:

— Приятного аппетита!

Потом ушёл. Неторопливо, спокойно, будто ничего не произошло. Будто не он только что кинул в воздух слова, которые оставили после себя ожог.

На кухне повисла тишина.

Дымов Старший тяжело опустился на стул, устало провёл ладонью по лицу:

— Ангелина... не обижайся, пожалуйста.

Постаралась улыбнуться. Получилось плохо.

— Я не обижаюсь, — тихо сказала. — Правда.

— Он... сильно изменился, — произнёс Вадим грустно. — После смерти матери. Очень. Стал резкий, неуправляемый. Я иногда... не знаю, как к нему подступиться. Он словно всё время на взводе. И... злится на всех. На все..., — замолчал на полуслове. Будто в какой-то момент понял, что дальше слова уже не помогут. Что объяснить мне Демьяна может, а вот изменить его — нет.

Я тоже молчала.

Понимала, что смерть его матери должно вызывать сочувствие. И вызывало. Где-то. На заднем фоне. Но прямо сейчас у меня внутри было другое: липкое напряжение, холод в груди и желание оказаться как можно дальше от всех.

В этот момент Валерия, словно между делом, поправила приборы. Сделала вид, что занята мелочами. Но я видела. Видела слишком хорошо, чтобы обмануться: она довольна. Ей нравится, когда между ними разгорается скандал. Ей комфортно в этой трещине. Она в ней живёт.

Аппетит исчез окончательно.

Тарелка с едой стояла передо мной как чужая.

Осторожно положила вилку, которую все еще держала в руках.

— Можно я поднимусь к себе? Я хочу позвонить родителям.

— Конечно. И..., не обращай внимания на выходки Демьяна. Я поговорю с ним.

Кивнула. Взяла телефон со стола и встала. Стул чуть скрипнул, и мне показался этот звук оглушительным.

Прошла к ходу из кухни, ощущая спиной Валерию. Она не сказала ни слова. Только я почти физически чувствовала её спокойную удовлетворённость.

Поднялась на второй этаж и уже почти дошла до своей двери, когда увидела Демьяна. Он стоял возле моей комнаты и явно ждал меня.

Остановилась так резко, что воздух застрял в горле.

Секунда тишины.

В коридоре не было ни звука, кроме моего слишком громкого дыхания.

Я сжала телефон в ладони сильнее и шагнула ближе.

Глава 7 Ангелина

Я подошла к нему решительно. Потому что если сейчас отступлю, то дальше буду отступать всегда: в этом доме, в этом коридоре, в каждом столкновении.

Демьян стоял, облокотившись плечом о косяк. Руки скрещены на груди. Футболка натянулась на плечах, и от этого поза выглядела ещё более уверенной, закрытой и опасной одновременно. Лицо спокойное. Слишком спокойное. Ни тени эмоции, ни намёка на то, что моё появление здесь вообще имеет для него значение. Но взгляд — чёрный, прямой, безжалостный — говорил обратное. Он видел меня. Он считывал меня. Каждое движение, каждый вдох, каждый миллиметр моего тела, которое я пыталась держать ровно.

Я остановилась в шаге и тоже скрестила руки на груди, почти зеркально копируя его позу. Не специально. Тело само выбрало оборону.

— Что ты тут делаешь? — спросила невозмутимо. — Только не надо сказок про то, что мимо проходил.

Он не сдвинулся. Даже дыхание не ускорилося. Только бровь поднял «Мол, серьезно?»

— А ты? — лениво уточнил он. — Зачем приперлась? В этом вопросе было столько высокомерия, что мне захотелось его ударить. Сдержалась.

— Это вообще-то моя комната. И моя дверь, — кивнула

головой в сторону.

Уголок его рта дернулся.

— Смотри ты быстро освоилась.

Он медленно поднял взгляд и прошёлся по мне сверху вниз. Не торопясь. Нагло. Как будто отмечал детали: волосы, шея, ключицы, вырез футболки, руки, пальцы, телефон в ладони. Потом вернулся к лицу. Но этого хватило чтоб вдоль позвоночника прошлась нервная дрожь.

Оттолкнулся от косяка и шагнул ближе.

Коридор сразу стал меньше. Воздуха стало меньше. А его стало слишком много.

— Комната твоя, — сказал тихо, наклонившись. Горячее дыхание коснулось моего лица, и меня обдало мятой и запахом сигарет. Смесь, от которой у нормальной девушки подкашиваются колени. У меня — стиснулись зубы. — А дом... — продолжил он почти шепотом. — Мой. И правила здесь мои.

Я заставила себя не моргнуть. Не отступить. Не показать, как у меня дернулся пульс.

— Твои правила меня не касаются.

— Тогда свали обратно туда, откуда приехала, — рыкнул угрожающе.

Я сухо улыбнулась.

— Если бы это зависело от меня одной, я бы уже не слушала твой голос. И не смотрела на твою наглую рожу.

— Но тем не менее ты здесь, — отрезал он. — В моем

доме. В соседней комнате.

Я почувствовала, как злость поднимается быстрее, чем страх.

— Сними с головы корону принц! Она явно тебе давит, — сорвалось с моих губ. — Это не твой дом, а Вадима Сергеевича и я его гостя. А если тебя что-то не устраивает, катись к черту, — ровно выдохнула, глядя прямо в его холодные глаза. — Это не мои проблемы.

Он не ответил. Просто смотрел. Смотрел так, что воздух, между нами, словно загустел и начал трещать статикой. Его зрачки, черные и бездонные, сузились до булабочных головок.

Губы сжались в жесткую линию. Челюсть напряглась, и скула под левым глазом дернулась мелкой, неконтролируемой судорогой. Ноздри чуть раздулись, вбирая воздух, как бык перед атакой, а потом крепкая мужская ладонь резко легла на косяк рядом с моей головой — глухой удар дерева о кожу, короткий, сдержанный.

Пространство стало тесным. Он не касался меня, но перекрыл путь так, будто это не коридор, а клетка.

Я не отступила.

И тогда этот псих сделал то, чего я от него не ожидала: быстрым, смазанным движением он перехватил моё запястье. Не больно. Но жестко. Уверенно. На долю секунды — достаточно, чтобы я почувствовала силу его пальцев, их тепло, то, как по моей коже прошла горячая волна от этого

контакта, пробившая дрожь до самого плеча. Слишком интимно для ненависти. Слишком грубо для случайности.

Но тут же отпустил. Мгновенно. Будто обжёгся сам. Отдёрнул руку, как от раскалённой плиты, и спрятал её в карман штанов. Челюсть сжалась.

— Предупреждаю не провоцируй, Соловьёва, — произнес он низко.

Я усмехнулась без веселья, сердце билось так, будто я бежала.

— Тогда и я предупрежу, — сказала, не отводя взгляда. — Я не та девочка, которую можно запугать. У нас с тобой это не работало в детстве. Не сработает и сейчас.

— Посмотрим, — коротко бросил и поспешил удалиться. Но сделав пару шагов остановился и произнес ровно, почти вежливо:

— Закрывай дверь на замок. Тебе так будет спокойнее.

— Спасибо за заботу, — ответила так же ровно. — Я сама решу, что мне делать.

Но он уже не слушал развернулся и зашагал по коридору, не оглядываясь.

Я смотрела ему вслед, пока он не исчез из виду, а потом буквально влетела в комнату. Села на край кровати, провела рукой по волосам пытаясь унять дрожь. Перед глазами вновь всплыло его лицо. Пронзительное, насмешливое. Волна жара опять прилила к щекам.

«У него не получится меня запугать. Я не боюсь», — про-

шептала в пустоту комнаты.

Но телефон я всё-таки поставила на зарядку рядом с кроватью. И убедилась, что дверь заперта надёжно. На всякий случай.

Глава 8 Ангелина

Утро выдалось до неприличия спокойным. Ни криков, ни хлопков дверьми, ни гнетущего напряжения, которое обычно клубилось в воздухе. Дом словно зазубрил новый урок: никаких тебе сегодня представлений.

Я выполнила все утренние ритуалы, и довольная спустилась к завтраку. Тут тоже тишь да гладь. Вадим Сергеевич уже восседал за столом, уткнувшись в телефон. Лера церемонно расправляла салфетку на коленях.

Пожелав всем доброго утра и приятного аппетита, принялась колдовать над кофе.

Демьяна не было.

Я успела выдохнуть с облегчением и даже поверить в чудо. Ровно до момента, пока Лера не промолвила:

— Ангелина, может, сегодня наведаемся в торговый центр? Нужно тебе обновить гардероб.

— Зачем? — недоуменно спросила.

— Скоро начнётся учеба, — пояснила она с терпением человека, который объясняет очевидное. — Вуз престижный. Люди, окружение, требования. Тебе нужно выглядеть... соответствующе.

— У меня есть одежда. Я не голая приехала.

Она слегка поморщилась. Потом аккуратно поставила на стол чашку. И сказала так, будто это было совершенно есте-

ственно:

— Я заметила, но не уверена, что она подходит.

— Подходит кому? Вам? Или университету?

— Университету, — отрезала Валерия. — Ангелина, это Москва. Здесь встречают по внешнему виду. И, к сожалению, провожают тоже.

— Я думала, в университете встречают по мозгам, — парировала я.

— В идеальном мире — да. А в реальном ты просто облегчишь себе жизнь.

Собиралась сказать, что в облегчении жизни не нуждаюсь. И что менять себя ради чьего-то комфорта не собираюсь.

Но Вадим Сергеевич неожиданно поддержал жену:

— Лерочка права. Съездите. Порадуй старика.

Вот это и было сложнее всего — перечить ему. Он говорил без напора, без командного тона. Просто как человек, искренне желающий сделать приятное.

Я вздохнула и отставила свой бодрящий напиток.

— Ладно. Съездим.

— Я бы и сам с вами поехал, но через два часа важная встреча. Не успеваю. Так что... — он на секунду задумался и добавил буднично: — Демьян вас отвезет.

До меня не сразу дошел смысл его фразы.

— Простите... кто?

— Демьян, — повторил он. — Туда и обратно.

Я уже открыла рот, чтобы предложить альтернативу в ви-

де такси, водителя Петра, пешей прогулки – что угодно, лишь бы не с ним.

Но в этот момент на кухню вошел Дымов-младший.

На лице – ни следа вчерашней ярости. Только ровная, ледяная отстраненность.

Он прошел к столу и снова уселся напротив меня. Бросил взгляд в сторону отца и мачехи. Сухо поздоровался и тут же отвернулся. По мне лишь скользнул взглядом, словно я была частью интерьера: не раздражаю, не интересую, просто мебель на фоне.

Пустое место.

— Демьян, — обратился к нему дядя Вадим, — отвезешь сегодня Валерию и Ангелину в торговый центр?

Парень замер на долю секунды. Но я успела заметить, как у него стиснулись челюсти.

На удивление он ничего не спросил, не возмутился, не съязвил. Лишь глухо выдохнул через нос:

— Отвезу, — и тут же сделал еще один глоток кофе, нарочито невозмутимый, словно разговор исчерпан.

Я так и застыла с открытым ртом.

«Это точно тот же Демьян?» – промелькнуло у меня в голове. Вчера – вулкан, сегодня – айсберг. У него раздвоение личности?

Вадим Сергеевич заметно расслабился.

— Отлично. Валерия, время выберете сами. У меня, правда, через два часа уже встреча.

Демьян поставил чашку, со скрипом отодвинул стул и поднялся. Опять не посмотрев в мою сторону. Словно я существовала где-то на границе его восприятия, как пылинка.

— Через сорок минут у входа, — бросил он сухо и вышел. Я обернулась к Вадиму Сергеевичу:

— Вы уверены? Он же...

— Лин, — мягко перебил он, — просто съездите. Ничего страшного не случится.

В том-то и дело, что с этим идиотом любая мелочь рисковала превратиться в трагедию и пожар одновременно.

Я поднялась в свою комнату и быстро собралась. Без лишних раздумий, иначе начну злиться раньше времени.

Выбрала сарафан. Летний, воздушный, цвета топленого молока, на тонких бретельках, с аккуратной посадкой по талии. Ткань струилась при движении и чуть холодила кожу. Длина – до середины икры: удобно, сдержанно, но при этом женственно. На ноги – босоножки на тонких ремешках песочного оттенка, без каблука. Волосы собрала в высокий хвост, выпустив пару прядей у лица.

Когда я спустилась вниз, Валерия что-то оживленно обсуждала с Ириной. Демон стоял у входа, спиной ко мне.

На нем были светлые рваные джинсы. Белая футболка – простая, без логотипов. Белоснежные кеды, чистые до неприличия. На фоне его загорелой кожи белый цвет выглядел выразительно.

Я на секунду замерла, поймав себя на том, что разгляды-

ваю его. Не «как врага». Как мужчину.

И тут же разозлилась на себя.

Потому что он был красив до раздражения. Как будто ему повезло даже с тем, как на него падает свет.

Словно почувствовав на себе мой проявленный интерес, он повернул голову. Скользнул по мне равнодушным взглядом и тут же отвернулся.

— Поехали, — обратился он к Валерии, словно меня рядом и не было.

Мы вышли на крыльцо.

Увидела припаркованную неподалеку новенькую спортивную «Audi», и едва не присвистнула. Такие я наблюдала только в кино. И даже боюсь представить, сколько стоит эта «красотка». Что Демьян ее хозяин не было никак сомнений. Поэтому мысленно приготовилась к тому, что он откроет передо мной дверь, потом передумает, сделает вид, что "случайно" не отодвинул кресло или включит ледяной кондиционер.

Но вместо этого Демьян сделал шаг в сторону гаража и коротко бросил охране:

— Подайте другую машину. На своей не еду.

Я даже остановилась.

То есть, он настолько не хотел, чтобы мы касались его вещей, что предпочел служебное авто? Как будто его салон запачкается от нашего присутствия. Придурок.

Валерия, само собой, никак не отреагировала. Даже бро-

вью не повела — только поправила сумку на плече, словно все так и должно быть.

А во мне закипала злость.

— Какая чуткость. Боишься, что я оставлю след на твоих сиденьях?

Демьян наконец-то повернулся ко мне всем корпусом. Секунду смотрел в упор.

— Я боюсь только одного, Соловьева, — безучастно ответил он. — Потратить лишнее время.

И снова отвернулся, словно разговор окончен.

Из гаража выехал темный внедорожник. Демьян сел за руль не спеша, не оглядываясь, словно мы – груз по накладной.

Валерия устроилась сзади, на своем привычном «королевском» месте. Села рядом с ней.

Машина тронулась мягко, почти бесшумно. А я смотрела на затылок Демьяна и думала только об одном: если он выбрал стратегию «делать вид, что меня нет», ему придется очень сильно постараться, чтобы продолжать эту игру.

В дороге Демьян хранил молчание так, будто ему за каждое слово штраф выпишут. Сидел за рулём прямой, собранный. Ни единого взгляда в зеркало заднего вида, ни музыки, ни разговоров, ни лишних движений. Как навигатор в человеческом теле: повернул, перестроился, поехал дальше.

Лера же напротив – болтала без умолку. Словно взяла на себя роль радиоведущей на частоте «Fashion Radio».

— В этом сезоне обязательно базовые костюмы, — вещала она. — Ткань должна держать форму. Никаких дешёвых фактур. И обувь. Обувь решает всё.

— А мозги? — не выдержала я.

— Мозги тоже. Но мозги в неподходящей одежде никто не замечает, — отрезала она и вновь продолжала распинаться. Новинки, тренды, осенние коллекции... казалось, эта женщина проглотила глянцевый журнал и теперь декламировала его наизусть.

Я слушала ее вполуха, гораздо больше увлеченная разглядыванием пейзажа за окном. Изредка, украдкой, бросала взгляды на напряженный профиль парня. Он по-прежнему был сосредоточен на дороге, челюсти сжаты, взгляд устремлен вперед. Казалось, он не слышит разговора, не замечает даже, что мы вообще здесь.

Когда, наконец, подъехали к торговому центру, я наивно подумала, что Дымов останется в машине. Или уедет. Или хотя бы растворится, как нормальный человек, которому всё это не нужно.

Но нет.

Он тоже вышел.

Шел чуть позади, с отстраненным видом, словно телохранитель, охраняющий две важные, но не интересные ему персоны.

А потом начался ад шопоголика.

Первый бутик, второй, третий... Лера порхала по центру,

словно бабочка, явно находясь в своей стихии.

Продавцы широко ей улыбались. Уточняли размеры, приносили подборки, называли её по имени и отчеству с таким уважением, как будто она не покупатель, а инвестор.

Я стояла в примерочной и чувствовала себя бездушным манекеном, над которым Валерия то довольно кивала, то возмущённо поднимала брови:

— Нет, ну, просто ужас!

— А вот это да. Видишь? Линия плеча. Длина идеальная.

— И каблук нужен. Небольшой, но нужен.

— Нет, это дешёвит. Сними.

Я пыталась отбиваться:

— Мне неудобно.

— Мне не нравится.

— Я не собираюсь носить это каждый день.

— Это слишком... взрослое.

Валерия даже не спорила. Она просто делала следующий ход:

— Примерь.

Демьян всё это время был где-то рядом. Молчаливый, как

ть. Иногда я замечала его в отражении витрин. Потом снова исчезает из поля зрения.

Иногда поднимает глаза и равнодушно скользит по мне — не оценивая, а так, будто проверяет, на месте ли «груз».

Один раз я вышла из примерочной в чёрном платье-футляре. Валерия одобрительно кивнула, продавец заулыбался, а я краем глаза поймала его взгляд на себе.

Он посмотрел.

На секунду.

И сразу отвернулся, будто поймал себя на чём-то лишнем.

За пару часов этого кошмара я вымоталась так, словно пробежала марафон. Ноги гудели, голова раскалывалась, и единственное, чего я хотела — это сбежать и больше никогда не видеть все эти сверкающие витрины. Но раз за разом мы выходили из очередного магазина. Продавец протягивал пакеты с логотипами так, будто вручал награды.

Пакеты. Пакеты. Пакеты.

Демьян молча забирал покупки, как робот-грузчик, и шёл дальше.

Когда мы вернулись домой, я поднялась в свою комнату почти на автопилоте. Скинула босоножки, даже не расстегнув ремешки нормально, и рухнула на кровать, как будто меня выключили.

Полежала минуту, глядя в потолок. Сил не было ни на что, даже на возмущение.

Потом повернула голову.

И увидела гору пакетов. Коробки с обувью, чехлы. Несметное количество всего.

Платья. Костюмы. Юбки. Блузки. Пара базовых джинсов, которые мой «личный стилист» всё-таки одобрила с выражением “ладно, пусть будет”. Нижнее бельё — потому что “это тоже важно”. Туфли, кеды, босоножки, лодочки. Не хватало только скатерти самобранки, чтобы я могла наряжаться в новые шмотки каждый день.

Я закрыла глаза и простонала в подушку:

— Господи...

Эта ненормальная бы не остановилась. Мне проще было согласиться хотя бы на часть ее "щедрых" предложений.

Я снова посмотрела на обновки и поймала себя на двойственном чувстве.

С одной стороны — злость. Потому что меня будто “упаковали” под чужие стандарты.

С другой — странное, почти детское: “вау”. Потому что это красиво. Качественно. И правда... круто.

Я перевернулась на спину и тихо рассмеялась от усталости.

— Вот и всё, — сказала я в пустоту комнаты. — Теперь у меня есть новый гардероб, а вот иммунитета к Дымову всё ещё нет.

Глава 9 Ангелина

Находясь третий день в особняке я уже должна была привыкнуть. По логике. По взрослой части мозга. Но, как и предыдущие ночи я долго не могла уснуть. Вроде устала, вроде глаза закрыты, вроде всё спокойно. А внутри крутится: сцены, фразы, лица, паузы. Как будто мозг решил устроить мне показ лучших кадров сезона “добро пожаловать к Дымовым”.

И вот закономерный итог: утром я эпично проспала.

Проспала так, как спят люди, у которых организм наконец сдался и вырубился под утро, когда уже поздно.

Влетела в ванную, умывалась на скорости, собирала волосы в хвост, натянула первое, что попало под руку. И всё это с одним желанием: быстрее спуститься вниз и сделать вид, что я не опоздала, и у меня всё под контролем.

На кухне уже были Валерия и Вадим Сергеевич. И, как нестранно Демьян.

– Доброе утро, – выпалила я. – Извините, что проспала.

Хозяин дома отреагировал вполне себе по-человечески, даже рукой махнул.

– Да ничего страшного. Хоть выспалась?

Лера окинула меня сканирующим взглядом, но в голосе прозвучали мягкие нотки:

– Первые дни всегда так. Новый ритм, другая обстановка.

Я, когда сюда переехала, тоже первое время путала день с ночью. – Она хитро покосилась на мужа. – Правда, у меня были уважительные причины.

— Лера, – Вадим Сергеевич и посмотрел на жену с укоризной, но в глазах плясали смешинки, – дай девочке спокойно кофе выпить, а не посвящай её в детали нашей личной жизни.

Лера надулась, как обиженный ребёнок, и театрально отвернулась:

– Я, между прочим, поддержать хотела! Разрядить обстановку!

Я еле заметно ухмыльнулась. Наблюдая за их милой перепалкой.

Демьян не сказал ничего. Вообще ничего.

Сидел с видом человека, который по ошибке оказался в одном помещении с людьми и теперь терпит это как временную неизбежность. И меня, судя по всему, тоже терпел. Молчанием.

Отлично. Идеально. Тишина вместо войны.

Добралась до кофемашины, засыпала зерна, нажала на кнопку, глубоко вдохнула аромат и почти поверила, что утро ещё можно спасти. Налила бодрящего напитка. Повернулась... и кружка предательски выскользнула из пальцев.

Настолько нелепо и внезапно, что я даже удивиться толком не успела. Сначала глухой удар о плитку. Потом звон бьющегося стекла. И россыпь осколков, разлетевшихся по

полу. Кофе растеклось уродливым темным пятном по светлой, идеально чистой поверхности.

На долю секунды все замерли.

Вадим резко вскочил, стул противно заскрежетал по полу:

— Лина! Ты не порезалась?

Валерия тоже встрепенулась, и вот это меня действительно удивило: кажется, она испугалась. Не за пол, не за идеальную чистоту, а именно за меня.

— Ангелина, стой, не наступи! Ирина! — резко позвала.

Домработница появилась почти сразу, как будто в этом доме у неё встроенный датчик на любые признаки хаоса.

Я посмотрела на свои руки. Целые. Потом на осколки. Потом снова на руки. И сказала быстро, чтобы все перестали делать из этого трагедию:

— Всё нормально. Я не порезалась. Честно.

— Точно?

— Точно, — кивнула.

Валерия выдохнула, вернула себе привычную собранность:

— Это усталость. Ты, наверное, не выспалась. Ничего. Ирина уберёт.

Та уже собрала фарфор совком, и вытирала тёмное пятно, расплзающееся, как клякса.

Машинально посмотрела на Демьяна.

Его вся эта ситуация вообще не тронула. Он даже бровью не повёл.

Не вздрогнул. Не поднял глаза. Не отреагировал на звон. Не посмотрел, цела ли я. Ноль. Камень.

Как сидел, так и сидел. Как будто в другой реальности.

И по идее мне должно быть всё равно. Он меня игнорирует? Прекрасно. Я же именно этого хотела, правда?

Но почему-то от его спокойствия внутри поднялась злость. Колкая, неприятная.

— Простите за это. Можно я поднимусь к себе? — обратилась я к Вадиму Сергеевичу.

— Конечно, милая.

Я развернулась и вышла из кухни даже не позавтракав.

Это ведь правда все мелочи. Обычная кружка. Обычное неудачное утро. Обычный парень, с которым мы терпеть не можем друг друга. Ничего серьёзного.

Но почему тогда у меня внутри всё будто перекошило?

Когда я ехала в Москву, моим единственным желанием было никогда не встречаться с Демьяном. Не видеть его, не слышать, не разговаривать. И так бы продолжалось дальше, но... что-то произошло. Со вчерашнего дня я сама не своя. Даже не знаю, как объяснить.

По-хорошему мне нужно радоваться его молчанию и игнору. Это же идеальный расклад: он меня не замечает, значит, мне не придётся давать отпор, воевать, нервничать и постоянно быть настороже. Но его равнодушие почему-то выбивает из колеи.

И самое странное, что вчера перед сном я впервые за мно-

го лет серьёзно задумалась: почему он возненавидел меня с первой встречи? Маленькую девочку, которую даже не знал. Всю ночь перебрала воспоминания, как старые фотографии. И не нашла ответа.

Его внимание мне ни к чему. Мне абсолютно по барабану. Но всё равно я об этом думаю. Что со мной не так? Просто устала или этот дом так действует на психику, что начинаешь сомневаться в собственной адекватности?

Самый простой выход: сделать так же. Игнорировать. Отзеркалить. Выключить его в ответ.

Но это то тупик. Всё равно реакция на него. Всё равно игра по его правилам.

Постояла в комнате у окна, сжала пальцы, разжала. Поняла одно: мне нужно выключить голову.

Решила пойти в спортзал. Позанимаюсь, выдохну и вернусь в норму.

Спустилась вниз по коридору, толкнула дверь спортзала...

И, конечно, Демьян тоже был там. Подтягивался на турнике, в наушниках. Он заметил мое появление микропаузой, и тут же сделал вид, что меня не существует.

Ну и ладно.

Я прошла дальше, взяла перчатки и подошла к боксерскому мешку.

Дома у нас тоже есть груша. Отец повесил её в гараже, когда я училась в школе. Говорил, что «девочка должна уметь

не только плакать и убежать». Он не делал из меня бойца и не обучал «вышибать дух». Он просто учил, как не паниковать. Как стоять так, чтобы тебя не унесло первым же толчком. Как держать руки. Как не выворачивать кисть в ударе. Как бить не локтем и не плечом, а корпусом. Как дышать.

Поэтому я уверенно надела перчатки, затянула липучки и ударила.

Глухо. Чётко.

Ещё раз.

Мысли начали отползать назад. Вот оно. Наконец-то.

Я вошла в ритм. Удар. Пауза. Два коротких. Шаг в сторону. Снова удар.

И в какой-то момент переступила ближе, чем нужно, и мешок качнулся шире. Я машинально подхватила его ладонью, чтобы он не ударил меня обратно и не ушёл в стойку крепления.

И этим движением, кажется, нарушила единственное правило Демьяна: не трогать ничего, что он считает «своим».

Потому что мешок был в его зоне. Его перчатки лежали рядом. Полотенце висело на спинке лавки.

Он снял один наушник и сказал впервые за утро так, чтобы было понятно: это не просьба.

— Не трогай тут ничего.

Я сняла одну перчатку. Взяла висящее полотенце. Его полотенце. Демонстративно вытерла ладонь и посмотрела на него прямо.

— Это спортзал, Дымов. Тут всё трогают.

Он подошёл ближе, остановился на расстоянии и вырвал мягкую ткань из моей руки.

— Если ты хочешь жить в нашем доме — живи. Но ко мне не подходи. Не трогай меня и мои вещи. Не разговаривай со мной. И лучше не попадайся на глаза, — голос ровный, холодный.

Я подняла бровь.

— Ничего себе список. Ты его где-то распечатываешь и повесишь или раздаёшь устно?

Ничего не ответил.

А я продолжила, усмехнувшись:

— Расслабься. Я не претендую на твоё внимание. Ты не такая уж важная персона, чтобы я бегала за тобой и «попалась на глаза».

Его взгляд стал тяжелее. На секунду. Будто он хотел что-то сказать — и передумал.

Внезапно тот самый вопрос, который вчера не давал мне уснуть, вылез сам, почти по-деловому:

— Демьян... я всегда хотела спросить. За что ты ненавидишь меня с самого детства?

Он опять промолчал.

Вернул наушник обратно в ухо, и отвернулся.

Вот и всё.

Я кивнула, как будто получила исчерпывающий ответ. Снова надела перчатки и ударила мешок.

Глухо. Ровно.

Тихая война продолжалась. Только теперь я точно знала: я не собираюсь растворяться в его тишине. И если уж он решил играть в «меня нет», пусть старается. Ведь помогать в этом я ему не буду.

Глава 10 Ангелина

Спустя еще три дня моего пребывания в элитном особняке наконец-то начала свыкаться с их домочадцами. Они сами мне в этом неплохо помогли. Вадим Сергеевич то уезжал на встречи, то закрывался в кабинете работая допоздна. Валерия существовала в каком-то своем режиме: бесконечные телефонные звонки, доставки, какие-то люди, которые приходили и исчезали незаметно. Так что мы пересекались лишь за завтраком, иногда ужином.

Демьяна почти не было видно. Изредка мелькал где-то на лестнице, проходил мимо в коридоре, иногда появлялся на кухне, но каждый раз его поведение было одинаковым, он делал вид будто меня нет.

И самое смешное, что я начала к этому привыкать.

Сначала это злило. Потом раздражало. А потом... стало похоже на погоду. Есть и есть. Не изменишь.

Я приехала сюда учиться, а не выяснять отношения. Чем меньше Демьяна в моей жизни, тем легче мне дышать.

Открыла окно, вдохнула горячий воздух с запахом травы и воды из их пруда, и впервые за долгое время почувствовала что-то похожее на лёгкость. Вот оно, счастье в миниатюре: когда тебя не трогают. Когда никто не смотрит оценивающе. Когда не приходится быть собранной и колючей.

Сегодня настроение у меня было неожиданно хорошим.

Прямо как погода за окном. Солнце светило так ярко, что стекло на панорамных окнах казалось расплавленным. Воздух был раскалённый, ленивый, августовский. Такой, когда хочется не думать, не анализировать и не строить планы — просто жить. Отдыхать, наслаждаться, купаться. И последнее я сорилась осуществить незамедлительно.

Бассейн. Внутренний, прохладный, манящий — тот самый, который покорила меня в первый же день. Вот что мне хотелось именно сейчас.

Шагала туда с уверенностью, почти с предвкушением, потому что знала: в такое время он пуст. Все заняты. Все разъехались. Идеальный момент для релакса. Но как же я ошиблась.

Демьян стоял на краю бассейна, спиной ко мне, в одних тёмных шортах. Вода блестела на его загорелой коже.

От неожиданности я замерла на секунду.

Первой мыслью было уйти. Развернуться и сделать вид, что ошиблась дверью. Второй — ещё более упрямой — было остаться. Так и поступила.

Сделала шаг вперёд. Потом ещё один.

Уверена, он почувствовал мое появление. Видела, как одеревенела его спина, как вытянулся в струнку. Но он не обернулся. Никак не отреагировал. Просто продолжил стоять — будто звук моих шагов ничего не значит.

Ну хорошо.

Я подошла к шезлонгу, бросила туда полотенце.

На мне черный раздельный купальник, без лишней мишуры. Простой лиф на тонких бретельках и плавки с высокой талией – лаконично, но уверенно. И все равно стало не по себе. Ощущение, будто предстаю перед ним обнаженной. Но отступать не собираюсь. Собрав волосы в небрежный пучок, направилась к воде.

К этому времени Демьян рассекал водную гладь, двигаясь ровными, бесшумными гребками вдоль дорожки.

Зашла в воду, и сразу погрузилась в неё. Прохлада обхватила кожу. Проплыла пару метров, потом ещё и почти успела забыть, что он рядом. Почти.

Потому что в какой-то момент он нырнул. Длинно, под водой. И вынырнул неожиданно близко от меня — слишком близко.

Мы не столкнулись лбами, но волна от его движения качнула меня в сторону, и я на секунду потеряла равновесие. Брызги ударили в лицо, и я не вовремя глотнула воды. Закашляла.

Демьян мгновенно оказался рядом и схватил меня за предплечье, удерживая.

Этот жест был настолько неожиданным что от я разом выпрямилась. Вода стекала по щекам, ресницы слиплись.

— Всё нормально, — сказала я сразу, резко, потому что мне было важно не выглядеть беспомощной.

Он отпустил, но смотреть не перестал.

Лицо у него было непроницаемое, как всегда. Но взгляд

— прямой, слишком внимательный. Мне даже на секунду показалось будто он сейчас скажет: «Прости!»

Не сказал.

— Смотри по сторонам, Соловьёва, — процедил ровно.

Конечно, я не ждала от него каких-либо извинений. Но на мгновение захотелось поверить, что он все же способен на теплые чувства. Дура. Размечталась. Знаю ведь какой он мудака и все равно разозлилась. По-настоящему.

— Спасибо за совет, — буркнула и вытерла лицо ладонью.

— Я думала, тут бассейн, а не трасса Формулы-1.

Он промолчал и продолжил делать вид, что я невидимка. Развернулся и хотел было отплыть, но я заговорила быстрее чем могла подумать:

— Может хоть здесь не будешь делать вид, что меня нет?

Неожиданно Демьян повернулся и на его губах мелькнула легкая ухмылка:

— Хочешь, чтоб я уделил тебе внимание?

— Нет, — пожала плечами. — Я хочу плавать. А ты ведёшь себя так, будто я обязана раствориться, если ты рядом.

— Ты ничего не обязана. Просто держись подальше от меня.

— Почему?

Демьян развернулся и стал приближаться, сокращая и без того ничтожное расстояние, между нами. Это заставило меня содрогнуться. Я метнулась от него в сторону, но он своим корпусом отрезал мне путь к отступлению, грубо притес-

няя к стенке бассейна. Захватывая тем самым в кольцо. Его взгляд скользнул по моему лицу и задержался на губах.

— Потому что так будет лучше, — сухо произнёс он и сглотнул. Я заметила, как этот глоток прошелся по его шее, как хищно дернулся кадык.

Сама не понимаю зачем продолжаю с ним говорить. Нужно было просто отвернуться, а ещё лучше уплыть на другую сторону. Подальше. Не смотреть. Не реагировать. Делать как он: считать его невидимым. Знаю глупо. Но разум думал именно так. А вот мое тело, а в частности, язык совсем иначе:

— Лучше кому? — я напирала не унимаясь. — Тебе?

Он опять не ответил. Просто резко схватил меня за затылок и дернул на себя так, что наши губы оказались в считанных миллиметрах друг от друга.

В голове будто включился тумблер: «Опасно». Я уперлась ему в грудь и попыталась оттолкнуть. Безрезультатно. Он не сдвинулся ни на дюйм. Лишь сильнее сжали мои волосы у основания черепа и зло прищурившись продолжал удерживать наши лица почти в притык.

Это мгновение показалось мне вечностью. Время будто остановилось.

Смотрела на то, как капли медленно стекали по его виску. Как цеплялись за ресницы и срывались вниз, по скуле. По сжатой челюсти. Там, где у него дёргалась мышца. На свои руки, которые все ещё лежали на широкой груди.

Моя ладонь чувствовала, как под ней быстро, по сумасшедшему бьётся сердце. Казалось, ещё секунда, и оно вырвется из грудной клетки. Я ощущала тепло кожи, покрытой мелкими, едва заметными мурашками. Его тело дрожало, и эта дрожь передавалась мне через мои ладони, сквозь тонкую ткань купальника. От этого дыхание сбивалось. И пульс бился уже не в груди. В ладонях, которыми я всё ещё упиралась в него. В горле. И где-то под рёбрами, там, где обычно живёт здравый смысл.

Воздух в помещении вдруг показался тяжёлым, раскалённым, как в парной. Тело предательски начало реагировать на эту близость, и мне пришлось признать: мне нравится происходящее. Но от этой мысли меня тут же накрыло злостью.

Потому что нравилось не так, как «можно». Нравилось так, как нельзя. Когда границы стирают, будто их и не было.

Я сжала зубы и процедила:

— Отпусти.

Мужские пальцы на моих волосах на мгновение напряглись ещё сильнее, а потом... дрогнули. Он отпустил меня молниеносно. Дернулся в сторону будто отпущенная пружина. Вода плеснула, между нами, и я по инерции чуть не ударила плечом о стенку.

И именно в этот миг снаружи, за дверью, послышались шаги. Тихие, но уверенные. Щёлкнула ручка. И затем раздался женский голос:

— Дем!..

Мы одновременно повернулись.

На пороге стояла Лиза.

Яркая, уверенная, ухоженная. Лёгкое платье, распущенные волосы, идеальная улыбка, которая держалась на лице так, будто приклеена. Она окинула нас быстрым взглядом и задержалась на мне ровно на секунду дольше, чем нужно.

— О, — протянула она, и улыбка стала ещё вежливее. Слишком. — А ты, оказывается, не один.

— Что тебе надо? — спросил он коротко.

Лицо снова стало закрытым. Непроницаемым.

В глазах Лизы на миг мелькнуло раздражение. Но улыбка не пропала.

— Ты исчез, — проговорила, понизив голос. — Поэтому я приехала сама. Но вижу... у тебя тут компания.

Лиза посмотрела на меня так, будто сканировала.

— А ты кто? — спросила она почти между делом, пока подвала своему парню полотенце.

Я уже вдохнула, чтобы ответить, но Демьян опередил. Как всегда, действуя в собственных интересах.

— Лиза, — сказал он сухо. — Пойдём.

И всё.

Ни объяснений, ни представления. Ни какого-либо обозначения моего присутствия. Снова сделал вид, что меня НЕТ.

Я стояла в воде, мокрая, с хлором в горле и чувствовала, как моё утреннее настроение медленно погружается на дно.

Лиза задержала взгляд на мне ещё на миг. Улыбнулась чуть шире.

— Пойдём, милый.

И они ушли. Вдвоем. Демьян больше не смотрел в мою сторону.

Я осталась стоять в этом гребаном бассейне одна. Меня затрясло сильнее.

Провела ладонью по затылку, по волосам, будто могла стереть его прикосновение. Сжала пальцы в кулак под водой и тут же разжала.

Остаться здесь больше не хотелось. Совсем. Вышла из воды. Холодный воздух ударил по мокрой коже, и только тогда я поняла, что всё это время было жарко не вокруг. Жарко было внутри меня. Как лихорадка. Я схватила полотенце, обмоталась, но это не помогло. Дрожь оставалась.

Быстро собрала вещи, почти не чувствуя пальцев, и убежала в коридор.

Там было прохладнее, тише, свет ровнее. И от этого контраст бил по нервам ещё сильнее.

Я и так была взвинченная. Злость во мне не находила выхода, потому что я не знала, на кого её больше направить: на него или на себя.

Я уже почти дошла до своей комнаты, когда услышала голоса. Они доносились из комнаты Дымова. Дверь была открыта или просто звук хорошо проходил по коридору. Эти двое меня не видели. А я слышала говоривших так отчётли-

во, будто стояла за их плечами.

Лиза говорила негромко, но раздражение пробивалось сквозь каждое слово:

— Эта девка будет жить здесь?

Пауза. И Демьян, ровно, спокойно, как будто его только что не трясло рядом со мной:

— Временно. Она здесь никто.

Ещё пауза.

— Мне она не нравится, — сказала Лиза.

Я задержала дыхание, сама не понимая зачем.

— Мне тоже, — ответил он всё таким же спокойным голосом.

Это вызвало у меня тошноту.

Я прекрасно знаю, что он меня ненавидит. На дух не переносит. Но услышать это вот так, со стороны, было неприятно.

Сделала шаг назад, бесшумно, чтобы не выдать себя. Ещё один. Сердце снова грохнуло в груди, но теперь иначе: не от близости, а от унижения. Дошла до своей комнаты, закрыла дверь и прижалась к ней спиной. Как я могла вести себя так глупо? Что за мысли были у меня в голове? У него есть девушка, а я... Хотелось громко выругаться нецензурным словом. Пойти наброситься на него с кулаками и молотить по его несносной роже. Но я лишь прикрыла глаза и мысленно застонала.

Дура, какая же я дура.

Глава 11 Ангелина

Сегодня особенный день – мой первый учебный день в университете. Возможно, именно это повлияло на то, что с утра я проснулась раньше будильника. И, несмотря на то что долго не могла сомкнуть глаз, чувствовала себя удивительно бодро. Ни намёка на сонливость или раздражение. Даже вчерашний инцидент с Демьяном, из-за которого полночи ворочалась в кровати, не омрачил отличное расположение духа.

После долгих размышлений я твёрдо решила не связываться с ним. Больше никакой траты времени на этого... человека. Учеба – вот что главное. Именно за этим я здесь, и все мои мысли и силы будут направлены на достижение этой цели. Мы уже не дети, пора смотреть на вещи реально и строить свое будущее, а не витать в облаках.

Открывается новая глава в моей жизни, и я должна выглядеть безупречно. Поэтому подходящий наряд выбирала долго. Перебрала ворох одежды: и свою, и ту, что мне купила Лера. В итоге остановилась на короткой юбке из черной кожи, белой шелковой блузке и укороченном жакете от Chanel. На ногах – лаковые лодочки на шпильке от Jimmy Choo. Волосы уложила в легкие волны, оставив их свободно ниспадать на плечи. На ресницы — чуть туши, нейтральный блеск на губы и капля парфюма на шею. Не сладкого, а холодного, цитрусового.

Я выглядела стильно, модно и дорого – именно так, как и советовала Валерия.

Сложила в сумочку все необходимое: папку с документами, планшет, зарядку, блокнот, ручку – и спустилась вниз.

За завтраком Демьяна не было.

Он спустился позже. Нахмуренный и явно не в настроении, стремительно прошел мимо нас к выходу.

– Демьян, – окликнул его отец, – подожди Ангелину, не уезжай без неё.

Дымов не изменился в лице. Только желваки у него обострились чуть сильнее, словно стиснул зубы, но, стараясь держать себя в руках, он лишь кивнул и вышел из дома.

Я очень не хотела ехать с ним. Нарочно тянула время в надежде, что он не дожидается и уедет один. Но... ничего не вышло. Выйдя на улицу, заметила его возле черного спортивного автомобиля. Того самого, на котором он не захотел везти нас с Лерой в торговый центр.

Демьян стоял, облокотившись о капот, и курил сигарету, задумчиво глядя вдаль.

На нем были черные джинсы с прорезями на коленях, простая белая футболка и стильные кроссовки. Ничего вычурного, но все идеально сидело и подчеркивало его атлетическую фигуру.

Он был до безобразия красив. И это факт, который я старалась изо всех сил игнорировать.

Заметив меня, он чуть напрягся. Взгляд прошёлся по мне

сверху вниз. Медленно. Без стеснения. Как сканер. И остановился на юбке чуть дольше обычного.

— Я не твой водитель, Соловьёва, — бросил он грубо, задушив сигарету о металлический край урны. — Ждать тебя и возить не обязан.

И, не давая мне даже шанса ответить, открыл дверь с водительской стороны и сел за руль.

Я сделала короткую паузу. Потом спокойно обошла машину и уселась на пассажирское сиденье.

Внутри пахло кожей, мятой и едва уловимо – табаком.

Он даже не посмотрел на меня. Молча завёл двигатель.

Хотелось сказать что-нибудь колкое. Но я же решила: не связываться. Поэтому тоже молчала. Так и ехали в тишине.

Когда он в очередной раз резко перестроился, ремень безопасности сильнее прижался к груди. Щёлкнул фиксатор, натянулась лента. Я даже не сказала, чтобы он ехал помедленнее. Хотя внутри, честно, кипело. Сделала вдох, медленно выдохнула и снова уставилась в окно, будто мне это безразлично.

За стеклом город постепенно оживал: вывески, утренние пробки, люди с кофе, школьники с рюкзаками, гудки и короткие визги тормозов на перекрёстках.

«Ничего. Сейчас доедем. Я выйду из машины. И избавлюсь от него», — мысленно себя успокаивала.

Похоже, не я одна этого хотела. Демьян ехал с такой скоростью, будто ему не терпелось поскорее высадить меня.

Подъехав к университету, он припарковал машину в стороне, заглушил двигатель. Но выходить почему-то не спешил.

Пару секунд пялился в лобовое, а затем медленно повернулся ко мне.

— Слушай сюда, — тон деловой, как будто договаривается о сделке. — Тут сделаем вид, что мы незнакомы.

Я приподняла бровь.

— Не приближайся ко мне, — продолжил он. — Не смотри в мою сторону. Даже не появляйся в поле моего зрения. Поняла?

Я лениво пожала плечами и улыбнулась:

— Мне вообще на тебя плевать. Сильно. С большой буквы «П». Так что мне это подходит, Дымов.

Он едва заметно напрягся от того, как я произнесла его фамилию. У него дёрнулся желвак. Потом второй раз, сильнее, будто он стиснул зубы. На секунду мне показалось, что мои слова его задели.

Но я не остановилась, наклонилась чуть вперёд, будто доверяю ему страшную тайну.

— Более того... не знать тебя — это лучшее, что могло бы со мной случиться.

Он резко отвернулся, вцепился в руль так, будто тот был моей шеей. Выдохнул через нос и зло, коротко выдал:

— Отлично. Вали.

Я вышла из машины, даже не обернувшись. Позади по-

слышался глухой хлопок двери. Взвизгнула сигнализация. Краем глаза заметила тень, которая пронеслась мимо меня с такой скоростью, будто я стояла на месте.

Демьян обогнал меня размашистыми, злыми шагами. Я шла чуть позади, сохраняя дистанцию. Ровно ту, которую он просил. И даже больше.

Ступени к входу были широкими. По ним поднимались и спускались люди, толпились у колонн, фотографировались, спорили. Дымов взлетел по лестнице, не сбавляя темпа. Пока к нему не подошёл парень.

Высокий, светловолосый, с лёгкой небрежной укладкой.

Он хлопнул Демьяна по плечу, и тот ответил ему тем же — по-свойски, как старые знакомые. Парни завязали разговор, но о чём шла речь, я не слышала из-за разделяющего нас расстояния. Зато, когда поравнялась с ними, голос Дымова услышала отчётливо. Не знаю, что у него спросил незнакомец, но уверена — речь шла обо мне. Потому как Дымов, повернув голову, посмотрел прямо на меня и лениво бросил:

— Не моя тема.

Меня кольнуло злостью. Такой острой, что захотелось подойти и врезать ему прямо промеж глаз. Но я лишь сжала зубы и прошла мимо, сделав вид, что вообще не расслышала.

Блондин вмиг оживился и оказался рядом.

— Привет, я Артём, — сказал он дружелюбно и уверенно. Без робости протянул руку.

Выдержала паузу, глядя на незнакомца. Раздумывала, как

поступить. Вообще я редко знаколюсь и завожу разговоры с парнями. Но... краем глаза замечаю, что Демьян не ушел. Продолжает стоять и наблюдать за нами исподлобья. В нем явно кипела злость. Почему-то мне захотелось преподать ему урок, чтобы он не думал, будто способен меня запугать.

— Я безоружен и безобиден! — улыбнулся Артём во весь рот, и на щеках появились милые ямочки.

Улыбнулась блондину в ответ. Широко, открыто, с той долей кокетства, которую обычно не использую. Просто чтобы Демьян видел.

— Ангелина, — сказала я, вежливо вкладывая свою ладонь в его.

Рукопожатие у Артёма было тёплым. И чуть-чуть дольше нормы. Он явно хотел, чтобы я это почувствовала.

— Красивое имя.

— Обычное, — пожала плечами я.

Тёма тихо усмехнулся. И опять эти ямочки. Поймала себя на том, что мне это нравится.

— Ты первокурсница, да? — спросил он, быстро пробежавшись взглядом по лицу, потом ниже... и тут же вернувшись обратно, будто это было случайно.

— Да. Сегодня первый день.

— Тогда поздравляю. Это одновременно праздник и катастрофа, — парень кивнул в сторону входа, где толпа шумела так, будто внутри раздают бесплатные дипломы. — Тут

сейчас можно потеряться за пять минут. Ты уже знаешь, куда идти?

— Примерно.

Артём чуть наклонился, и понизил голос:

— Давай так. Я провожу тебя до аудитории. Заодно покажу, где нормальный кофе.

Я прищурилась.

— А зачем тебе это?

Явно довольный вопросом, он широко улыбнулся:

— Потому что ты мне понравилась, — сказал так просто, словно сообщал время. — И потому что я хороший человек.

— Ладно, — сдалась я после короткой паузы. — Проводи. Добрые люди в первый день встречаются редко.

— Отлично. Тогда пошли. У тебя какая первая пара?

Я полезла в телефон. Открыла расписание и пару раз моргнула, пытаясь разобраться в этой системе координат:

— Первая пара... аудитория... сейчас. Корпус... третий, кажется. Аудитория 312.

— О, знаю. Там вечная путаница. Третий корпус у нас как квест: зайти легко, выйти сложно.

Мы двинулись ко входу. Артём шёл рядом, чуть впереди, но так, чтобы мне не приходилось подстраиваться под его шаг. На ступенях пропустил меня вперёд, показав направление жестом.

— Аккуратно, тут плитка скользкая.

— Спасибо.

Перед тем как скрыться за стеклянными дверьми, я всё-таки оглянулась назад.

Демьян стоял на месте и смотрел прямо на меня. От этого взгляда вдоль всего позвоночника прошла неконтролируемая нервная дрожь.

Но я быстро отвернулась, изображая полное безразличие.

— Всё хорошо? — спросил мой спутник.

— Да. Просто... шумно тут. И народа много.

— Привыкнешь. В начале учебного года здесь всегда такая суматоха.

— А ты на каком курсе? — поинтересовалась я, слегка склонив голову.

— Третий.

— Значит, опытный, — подметила я.

— Скорее, уставший, — поправил он с улыбкой. — Но ради тебя могу притвориться, что я бодрый и счастливый.

— Вот это прямо подвиг. Героический поступок века.

— Ничего, я люблю героизм, — он снова улыбнулся. — Особенно когда он связан с красивыми и очаровательными девушками.

— Слушай, а ты всегда ведёшь себя так при первом знакомстве? — не удержалась я от вопроса, остановившись на секунду. — Это такая стандартная схема или ты импровизируешь на ходу?

— Как именно? — он приподнял бровь, делая вид, что не понимает.

— Ну, вот это всё, — я обвела рукой его самого. — Сыплешь комплиментами, улыбаешься, ямочки эти включаешь. Это специальная акция «первое сентября»? Или сезонное предложение?

Артём сделал вид, что задумался, слегка прищурился, почесал подбородок:

— Не совсем. Скажем так, это эксклюзивное предложение. Только для тех, кто действительно привлекает внимание. Когда я вижу кого-то интересного, я обычно не скрываю своего интереса.

— Смело, — я рассмеялась, качая головой. — Но учти: я не ведусь на такие банальные подкаты. У меня иммунитет к обаятельным незнакомцам.

— Принято, — Артём поднял ладони, как будто сдаётся. — Тогда без фокусов. Буду просто твоим проводником. А потом, если захочешь, можем выпить кофе.

— Кофе — возможно, — ответила я уклончиво. — Посмотрим, как ты проявишь себя в роли экскурсовода.

Мы остановились у двери с табличкой 312.

— Ну вот, — Артём кивнул. — Жива, цела, не потерялась. Можешь считать, что первый экзамен сдан на отлично.

— Спасибо, что проводил. Ты спас мой первый день от катастрофы.

— Обращайся, — он слегка кивнул. — Если что, меня легко найти. Я обычно тусуюсь в коридоре второго корпуса, где диванчики.

— Договорились. Пока, Артём.

— До встречи, Ангелина.

Я зашла в аудиторию, заполненную студентами. Свободных мест почти нет. Быстро окидываю взглядом ряды и замечаю одно местечко — в середине, между двумя незнакомцами. Ну, окей, подойдёт. Двинулась туда.

Задние парты забиты под завязку. Ничего удивительного. Там обычно садятся те, кто ходят сюда только для галочки — избалованные дети богатых родителей, которые измеряют друг друга по толщине кошелька.

Интересно, есть ли тут хоть один нормальный человек? Может, их стоит искать на первых рядах? Говорят, там собираются самые умные и прилежные. Наверное, мне бы тоже стоило туда пересесть. Но это потом. А пока усаживаюсь между упитанным парнем с копной рыжих волос, торчащих в разные стороны, и хрупкой брюнеткой со светлой, почти прозрачной кожей.

— Привет! — говорю сразу обоим, и они поворачиваются синхронно, будто репетировали.

— Привет! — отвечают в один голос.

Улыбаюсь, протягиваю руку сначала девушке, потом парню:

— Я — Ангелина.

— Юля, — сказала девушка, внимательно меня изучая.

— Макар, — ответил пухляш с улыбкой. — Приятно познакомиться!

— Взаимно.

Отчего-то эти двое показались мне очень милыми.

Я столько раз слышала, что в таких универсах учатся одни заносчивые идиоты, считающие себя центром вселенной. Однако мои новые знакомые развеяли этот стереотип за секунду. Никакого пафоса, никаких понтов. В их взглядах не было ни капли надменности — лишь искреннее любопытство.

До пары ещё оставалось время, и мы разговорились. Оказалось, Юля и Макар — местные, коренные москвичи.

— А ты откуда? — спросил Макар, отламывая кусочек от своего бутерброда с колбасой и заботливо предлагая мне. — Будешь? Тут ветчина и сыр, нормально.

— Спасибо, я позже, — отказалась я вежливо. — Из Воронежской области. Маленький город, тысяч на пятьдесят населения.

Ребята обменялись быстрым, едва уловимым взглядом. В их глазах мелькнуло неподдельное удивление. Видимо, мой внешний вид — брендовые вещи, стильная сумка — не вязался в их представлении с образом провинциалки. Но они ничего не сказали, лишь кивнули.

— Снимаешь квартиру тут?

— Временно живу у друзей семьи.

Благо мои новые знакомые не стали уточнять, у каких именно. Не то пришлось бы выкручиваться и врать на ходу. А делать это, когда мы только познакомились, как-то не хоте-

лось. Не факт, конечно, что им знакома фамилия Дымовых. Москва — большой город, но в некоторых кругах друг друга знают. Или хотя бы слышали. Так что наше знакомство и тем более соседство с Демьяном лучше не раскрывать. Пока.

Наше общение прервал резкий звук открывающейся двери. В аудиторию уверенной походкой вошёл преподаватель — пожилой мужчина с пронзительным взглядом, который, казалось, видел всех насквозь, и стопкой потрёпанных папок под мышкой. Шум мгновенно стих, даже с задних рядов, где до этого кто-то громко обсуждал вчерашнюю вечеринку.

Преподаватель положил материалы на кафедру, обвёл присутствующих оценивающим взглядом, и его взгляд, казалось, на секунду задержался на моём новом знакомом — Макаре, который как раз поспешно засовывал остатки бутерброда в рюкзак.

— Я профессор Знаменский, — раздался его низкий, чуть хрипловатый голос. — И надеюсь, что к концу семестра хотя бы половина из вас запомнит не только моё имя, но и предмет, который я преподаю. Лекция начинается. Отключаем телефоны, закрываем рты и открываем уши.

Я внутренне усмехнулась. Первое впечатление — многообещающее. Похоже, этот семестр будет интересным.

Глава 12 Демьян

— Дёма! Бро! Здорова! Голос врезался в ухо раньше, чем успел отозваться мозг. Знакомый, наглый, с хрипотцой. Я едва успел повернуть голову, как тяжелая ладонь со всей дури шлёпнулась на плечо.

— Здорова, — буркнул в ответ, хлопнув друга ответным жестом.

Артём скосил на меня глаза, изучая хмурое лицо:

— Чего такой кислый? С похмелья?

— Нет. Просто нет настроения.

— Ты шутишь? Глянь вокруг! — воскликнул Арт и широким жестом обвёл пространство. — Началась офигенная пора, блин! Весь этот... свежий приплод! — присвистнул он, увидев группу первокурсниц. — Смотри, вон та, в розовом... Господи, формы какие. Или вон та, с каре... Чёрт, все такие сочные, глаза разбегаются, — прицокивал он языком, как будто оценивая табун породистых лошадей.

Я натянута улыбнулся.

Раньше мне это нравилось: мы часто устраивали споры на девчонок. Пытались перехватить друг у друга лидерство. Но не сейчас. Отчего-то это занятие мне казалось глупым.

— Перестань, Арт, — сквозь зубы процедил я. — Не хочу я этого.

— Чего «этого»? — Артём фыркнул, не отрывая глаз от

длинноногой брюнетки. — Жить, что ли? И, не дав вставить даже слово, резко спросил:

— Слушай, ты с Лизкой реально всё?

Вопрос повис в воздухе.

— Да. Всё. На этот раз окончательно.

Лицо друга озарила не просто улыбка, а сияние полной и безоговорочной победы.

— О, это просто отлично! — он чуть не подпрыгнул от восторга. — Наконец-то! Теперь-то ты свободен, как птица! Можно отрываться по полной. Как в старые добрые времена!

Снова хлопнул меня по спине, но я даже не пошатнулся, лишь стиснул челюсть.

— Отвяжись. Я же сказал, что не в настроении.

— Да ты с ума сошёл! Время ведь не ждёт! — Артём нахально подмигнул и принялся вглядываться в проходящий поток студентов. Его глаза бегали, сканируя, отсеивая. — Так... Нам нужно что-то... горяченькое. Чтобы встряхнуло тебя, понимаешь? Смотри, смотри... Он вдруг замер, его брови поползли вверх. Длинный, восхищённый свист сорвался с губ.

— О-хо-хо... — прошептал он с благоговением, и его взгляд зацепился за кого-то позади меня. Игривый огонёк вспыхнул в карих глазах. — Как тебе вон та... светленькая?

Мне было плевать на какую-то девчонку. Оборачиваться совсем не хотелось. Но тело само сработало. На автопилоте, по инерции, от долгих лет дружбы с этим придурком.

Повернул голову, и сердце просто выстрелило в пустоту. Пропустило удар, замерло, а потом обрушилось вниз, в живот, дикой, тяжёлой волной. Ангелина. Она приближалась к нам в потоке студентов. Мурашки, резкие и противные, пробежали по спине. Второй раз за утро. Первый был, когда она уверенно вышагивала к моей машине. А я, как ненормальный, пялился на её длинные, словно выточенные ноги. На короткую юбку. Чёрт. Она была... неприлично короткая.

Не помню, когда последний раз вообще думал о нравственности. Но сегодня... Блять. Я явно кукухой поехал, если думал об этом.

Соловьёва шла так легко, отточено, как будто всю жизнь отработывала этот вызывающий шаг. При каждом её движении тонкая облегающая ткань упрямо стремилась вверх. У меня свело челюсти. Живот сжался в тугой, горячий узел. Раньше я бы заценил этот вид. Присвистнул, как Тёма. А сейчас во мне что-то дикое рвалось наружу, рычало. Желание — не обладать, а спрятать. Отвести взгляд всех парней, чьи глаза уже начали к ней липнуть. Подойти и грубо оттянуть этот идиотский подол вниз.

Что бы это за чувство ни было, оно мне не нравилось.

— Ну что, как тебе? — голос Артёма вернул меня в реальность.

Он уже оценивающе щурился, следя за Соловьёвой, как охотник.

— Не моя тема, — голос прозвучал глухо, безразлично,

будто из другого человека.

Мог, конечно, сказать другу: «Это Ангелина. Мы... знакомы. Она живёт у нас. Это дочь друга отца», но не хочу придавать ей значения.

— Зато моя! — в голосе Тёмы зазвенел неподдельный, почти детский восторг. Его глаза загорелись так, будто ему только что подарили новую игрушку. — И я не против познакомиться. Выглядит... горячо.

— Делай что хочешь, мне похер, — бросил я сквозь зубы, а он тут же поспешил к ней.

Внутри всё кричало, чтобы я развернулся и ушёл. Но ноги будто вросли в землю, не мог пошевелиться. Поэтому тупо достал из кармана джинсов телефон и принялся в нём копаться.

Изображал вид полного безразличия. А сам украдкой наблюдал, стискивая устройство в руке до скрежета металла.

Артём ловко с ней поравнялся и растянул рот в той своей, обкатанной до блеска, обворожительной улыбке во все тридцать два зуба, от которой первокурсницы обычно таяли, как мороженое на асфальте. Сказал что-то. Ангелина остановилась, слегка откинула голову, изучая его. Пауза длилась две, три, четыре секунды — вечность, и на её лице расцвела улыбка. Широкая. Открытая. Она протянула руку. Гринёв, конечно, взял её, но не для рукопожатия — это его фирменный, псевдогалантный жест, установить контакт. И понеслось. Они заговорили. Артём что-то рассказывал, жестику-

лировал. Соловьёва слушала, кивала, вставляла короткие реплики. Они перекидывались шутками так легко, так непринуждённо, словно были знакомы тысячу лет. Друг нагло, но мастерски клеил её, а она... велась. Велась, блять! Улыбалась, смотрела в глаза. Глупая, наивная дура.

Я знаю Тёму много лет. У него девушек было больше, чем волос на голове. Он коллекционировал их, как брелки — познакомился, провёл пару недель в сладких иллюзиях, а потом находил новую «сложную задачу». И она, с её вздёрнутым носиком и ледяным взглядом, просто оказалась следующей в списке. И что? Растаяла за пять минут. Пять гребанных минут его дешёвых уловок и пошлых комплиментов.

Они начали движение. Арт — чуть впереди, галантно прокладывая путь, Ангелина — рядом, её эта чёртова короткая юбка мерно колыхалась в такт шагам.

Я стоял и смотрел им вслед, пока парочка не скрылась за дверью. В груди бушевал не огонь, а какая-то чёрная, едкая кислота, которая разъедала всё изнутри. Злился. Не на себя, за то, что стоял тут, как придурок. И даже не на Артёма — он был предсказуем, как закон физики. Я злился на неё. На эту глупую, доверчивую куклу, которая так легко купилась на дешёвый лоск. На её улыбку.

«Ну и хуй с тобой. Мне нет до тебя никакого дела», — грубо выругался себе под нос. Засунул руки в карманы и направился в противоположную сторону.

Затянуться сигаретой хотелось жутко. Поэтому направил-

ся не в аудиторию, а в курилку. Выкурил сразу две штуки, и лишь когда нервяк прошёл, спокойный, пошагал на лекцию.

В лекционный зал зашёл с опозданием на десять минут. Благо преподаватель тоже задерживался. Окинул взглядом галдящих студентов и заметил Артёма. Он сидел у окна, уткнувшись в телефон.

Я подошёл и сел на пустующий рядом с ним стул.

— Ну как всё прошло? — мои губы как-то сами растянулись в убудочной улыбке. — Птичка клюнула?

Арт поднял голову и весело оскалился.

— Птичка?! — воскликнул он и, откинувшись на спинку стула, закинул ногу на ногу. — Брат, это не птичка. Это... сокол. С характером. Но да, клюнула. И даже позволила себя покормить с руки.

Он говорил легко, играючи, но в каждом слове сквозила та самая, убийственная самонадеянность.

— По-другому и быть не могло, — продолжил он, поймав мой взгляд. В его глазах танцевали знакомые искорки азарта и полной уверенности в себе. — Ты ж меня знаешь. Если поставил цель — цель будет достигнута.

Мне стало не по себе. Холодная тяжесть опустилась в желудок, вытесняя остатки злости.

— И что, номер взял? — спросил я, голос прозвучал ровно, почти безучастно.

— Пока нет. Но планирую сделать это сегодня после пар. Не могу долго тянуть. Её мигом кто-нибудь сцапает. Эта дев-

чонка — просто огонь. Не шучу.

Я молчал, переваривая его слова. Это была не его обычная бравада. В голосе звучали странные нотки.

— Может, я влюбился? — вдруг, почти невольно, выпалил он и сам, кажется, удивился сказанному.

Тут я не выдержал.

Смех вырвался из меня резко, громко и истерично — хриплый, надрывный хохот, от которого содрогнулись плечи и обернулись соседи по ряду. Я схватился за живот, будто меня ударили под дых.

— Чего?! — я не мог успокоиться, мой смех сотрясал всё тело. — Влюбился? Ты час назад предлагал мне «оторваться по полной, как в старые добрые»! Говорил про «сочный приплод»! А теперь — бац — и «Любовь»?

Артём сначала смутился, на его скулы выступил лёгкий румянец. Но потом отмахнулся, и прежняя наглая ухмылка медленно поползла на его лицо.

— Ну, это было до того, как я её встретил, — заявил он с театральной мечтательностью в голосе. — Ты не видел, как она улыбается. Это меняет взгляд на мир, понимаешь? Это как... — он искал слово, — как перезагрузка.

— Перезагрузка мозгов, больше похоже, — фыркнул я, наконец успокоившись, но внутри снова зашевелилась та самая холодная, тревожная тяжесть. Он был серьёзен. И это было хуже любой его пошлой бравады. Потому что если он настроен серьёзно, то не отступит. И его «сети» будут спле-

тены ещё тщательнее, а улов — закреплён надёжнее.

Внутри всё застыло, превратившись в плотный, холодный ком. Каждое слово Артёма было как гвоздь, забиваемый в крышку гроба моего спокойствия.

И это было невыносимо.

Как будто недостаточно того, что она живёт в моём доме, что я вижу её каждый день. Теперь она ещё и стремится попасть в мой круг общения. Этого я допустить не могу.

Глава 13 Ангелина

Часы на телефоне выдают безжизненно-яркие 1:17, а мозг отказывается выключаться. То ли эмоции за день так встряхнули, то ли в комнате эта духота невыносимая. Я ворочалась на простыне с боку на бок. Тонкая хлопковая майка на голое тело и короткие шорты липли к коже, не спасая, а лишь подчеркивая, как тут жарко. В горле пересохло так, будто я пески Сахары глотала. Терпеть уже не было сил. Сползла с кровати и встала. Пол под босыми ногами был прохладным спасением. Тихо, на цыпочках, я выскользнула из комнаты. В доме стояла гробовая тишина.

Ступая по прохладному паркету, потом по холодной плитке прихожей, я направилась на кухню. Там было темно. Единственным источником освещения была синяя подсветка под навесными шкафами. Подошла к холодильнику, потянула за ручку. Яркий, слепящий свет изнутри на мгновение заставил меня зажмуриться. Взяла бутылку с водой, холодную, запотевшую. Открутила крышку, поднесла к губам и... О боже! Первый долгий глоток жидкости был как спасение. Я жадно пила, запрокинув голову, чувствуя, как вода стекает по пересохшему горлу, принося дикое облегчение. Глаза были закрыты от наслаждения.

И вдруг — голос за спиной. Мужской. Низкий, с хрипотцой:

— Напилась?

Я едва не поперхнулась. Рука дрогнула — и ледяная вода хлынула мне на шею, за шиворот, пролилась на грудь. Тонкая ткань майки мгновенно потемнела, прилипла к коже, став почти прозрачной.

Развернулась всем корпусом и увидела Демьяна. Он стоял в дверном проеме, облокотившись на косяк. Не двигался. Просто смотрел. Линия челюсти напряжена. Тяжёлым взглядом скользнул по моему лицу, потом медленно, очень медленно опустился ниже — на мокрое пятно на майке, на контуры тела под мокрой тканью.

Мое сердце заколотилось где-то в горле, стуча в висках. Я инстинктивно скрестила руки на груди, пытаюсь хоть как-то прикрыться.

— Что ты тут делаешь? — резко спросила я.

Дымов вопросительно приподнял бровь и, оттолкнувшись от косяка, сделал шаг в мою сторону.

О черт! Нужно было просто развернуться и уйти в свою комнату. Не разговаривать с ним. Вообще не реагировать. Но я не могла и пошевелиться. Ноги словно приросли к полу. Я просто стояла на месте и как замороженная наблюдала за тем, как он приближался. Медленно. Уверенно.

На нем не было футболки. Только легкие спортивные штаны, которые сидели низко на бедрах.

Спазм сдавил мое горло, вынуждая неотрывно смотреть, как вздымается его грудь. Как упругие мышцы перекаत्या-

лись на спортивном теле при каждом шаге. Взгляд непроизвольно заскользил по нему, изучая каждую линию его прессы, задержавшись у основания удлинённой «V» внизу, которая терялась под резинкой штанов.

Перед глазами мгновенно всплыли картины из бассейна. Мои руки на его груди. Его дико колотящееся сердце. Мое учащенное дыхание и томление внизу живота. Эти воспоминания ударили с такой силой, что щеки моментально вспыхнули, обдав жаром.

Мне не следовало думать об этом. Не хотела думать. Но не могла остановиться.

Демьян сделал ещё пару шагов, сокращая расстояние, и остановился прямо напротив. Теперь между нами было всего лишь полметра.

— Дом мой. Где хочу, там и хожу, — слова, сказанные с едва уловимой усмешкой, вдруг отрезвили меня. — Я же четко сказал: держаться подальше. Что в моих словах тебе непонятно?

Его взгляд, который до этого момента казался скорее изучающим, теперь стал холодным, острым, как лезвие.

— Я и держалась! — парировала, задирая подбородок, пытаясь вложить в голос дерзость. — Делала вид, что мы незнакомы. Не смотрела в твою сторону. Даже не появлялась в поле твоего зрения. Чего ещё нужно?

— Не морочь голову Артёму. Ясно? — отрезал он, ещё на шаг приблизившись. От него пахло мятой, сигаретами и

свежестью. И этот запах сводил с ума.

— Что? О чём ты вообще?

— Не прикидывайся дурой, — проговорил он сквозь зубы. Его глаза сузились. — Я таких, как ты, насквозь вижу. Приехала, глазки строишь, улыбочку наивную включаешь. Ты думаешь, я не понимаю, что ты затеяла?

В груди что-то ёкнуло — обида, злость. Горькая и колкая.

— Таких, как я? — усмехнулась. — Каких это, Демьян? Яснее выражайся.

Он не ответил. Просто смотрел на меня тёмным, непро-
ницаемым взглядом. Его молчание было хуже любых слов.
Оно обжигало.

— Держись от моего окружения подальше, — повторил он, и в голосе уже слышалось раздражение, готовое сорваться в гнев.

— Почему это тебя так бесит, а? — выпалила я. — Какое тебе дело до того, с кем я общаюсь?

— Мне похер на тебя и то, с кем ты общаешься. Я запрещаю приближаться к Артёму.

Страх сменился жгучим желанием уколоть его, ранить в ответ.

— Кто ты такой, чтоб мне запрещать? — я сделала шаг навстречу. — Ты никто! Пустое место! Ноль! — слова вырвались сами собой, наполненные обидой.

— Заткнись, — процедил Демьян сквозь стиснутые зубы. Голос стал низким, рокошущим и по-настоящему опасным.

— Почему? — мой голос дрожал, но я не отступала. — Если ты умеешь говорить, то умей и слушать, понятно? Я не твоя игрушка. Моя личная жизнь тебя не касается. Займись лучше своими отношениями!

Чёрные глаза парня вспыхнули. Рука дёрнулась, будто он хотел схватить меня за плечо, но в последний момент он сжал кулак и ударил по холодильнику рядом с моей головой, заставив меня вздрогнуть. Холодный металл отозвался глухим стуком.

Между нами повисло напряжённое молчание.

Дымов сделал ещё один шаг, и теперь мы стояли вплотную. Воздух вокруг нас стал густым, его трудно было вдыхать. Я чувствовала жар его тела, напряжение каждой мышцы. Видела, как тяжело вздымается его грудная клетка.

А он видел, как дрожат мои руки, как бешено бьётся пульс у меня на шее.

— Меня волнует только одно — чтобы ты убралась из моей жизни. И если для этого мне придется тебя сломать... — прошипел он, наклоняясь так близко, что губы коснулись мочки моего уха, — ...я это сделаю. Без сожалений.

От этого контакта мурашки побежали по спине. Я резко отпрянула от него в сторону и, не оборачиваясь, пошла прочь по темному коридору. Шагала быстро, почти бежала, но не давала себе ускориться, пока не оказалась за дверью своей комнаты. Только там прислонилась спиной к холодной поверхности и выдохнула.

Тут по-прежнему стояла невыносимая духота. Майка всё ещё оставалась мокрой, а колени тряслись, так будто на улице минус тридцать.

Сделала глубокий вдох. Выдох. Пульс постепенно замедлялся.

Я заставила себя отлепиться от двери, закрыв её предварительно на замок. Подошла к кровати и села на самый краешек. Схватила пальцами в край простыни и уставилась в одну точку на стене.

Кто он, чёрт возьми, такой, чтоб так со мной общаться? Вмешиваться в мою жизнь? Угрожать?

Я приехала сюда учиться. Получить достойное образование. А вместо этого получила его. Демьяна.

Человека, который меня ненавидит. На дух не переносит. Парня, который одним своим касанием заставляет забыть, как дышать.

Почему?

Почему мое тело так предательски на него реагирует? Ненавижу эту реакцию. Ненавижу себя за то, что таю от его голоса. За то, что внутри всё переворачивается, когда он просто стоит рядом.

Даже за то, что, убегая сейчас по коридору, я чувствовала не страх, а разочарование.

Будто хотела, чтобы он остановил меня. Схватил за руку. Развернул.

Господи, о чем я вообще думаю?

Я резко открыла глаза и вцепилась в собственные волосы, сжимая их в кулаках до боли в корнях.

— Прекрати, — прошептала я в темноту. — Прекрати немедленно о нём думать.

У него есть девушка. Вот пусть с ней и ведет себя так.

Я здесь ради учебы. У меня есть планы, мечты, цели. В моей жизни ему места нет.

Я встала с кровати, подошла к окну и распахнула створку. Ночной прохладный воздух ворвался в комнату. Я глубоко вдохнула, позволяя ветру остудить пылающие щеки.

— Больше никогда, — сказала я вслух, глядя на темное небо, усыпанное звездами. — Я не позволю тебе сломать меня, Демьян Дымов. Ты никто для меня. Пустое место. И я докажу это завтра. Себе. Ему. Всем.

Глава 14 Ангелина

Несмотря на ночной инцидент на кухне, утро сегодня выдалось очень бодрым. Я потянулась в кровати, чувствуя, как хрустят позвонки, и улыбнулась сама себе. Настроение отличное. Быстро приняла душ. Накрутила влажные волосы в полотенце.

Затем распахнула створки шкафа. Напевая про себя незамысловатую мелодию, принялась выбирать наряд. Выбрала короткую джинсовую юбку и топ нежного кремового оттенка. Сверху накинула свободную льняную рубашку в голубую полосу. Застёгивать не стала, а просто набросила на плечи. Волосы высушила, оставив их мягкими волнами. Макияж — только стрелки, чуть туши и прозрачный блеск для губ. Обула белые кроссовки на толстой подошве и оглядела себя в зеркале.

— Идеально.

Спустилась на первый этаж. Там на удивление было тихо. Вадима и Леры не было. Посмотрела на часы и поняла, что время ещё раннее.

— Ой, Ангелина! — всплеснула руками Наталья, увидев меня. — Ты уже уезжаешь? Чего так рано? Завтракать не будешь?

— Доброе утро! Не буду, я в универе перекушу. Передайте Вадиму Сергеевичу, что я уехала, чтобы не волновался.

— Передам, — донеслось мне в спину.

Я выскользнула за дверь. Пётр уже ждал у машины, протирая фару.

— Доброе утро! — я улыбнулась и нырнула на заднее сиденье. — Поехали, пожалуйста!

Универ встретил меня привычным гулом. Стоило мне переступить порог главного корпуса, как я услышала своё имя:

— Лина!

Юля неслась ко мне через весь холл, расталкивая локтями замешкавшихся студентов. На ней была огромная серая толстовка с капюшоном, из-под которой торчали тощие ноги в чёрных лосинах. На ногах — массивные кроссовки. Она запыхалась, но улыбалась во весь рот.

— Привет! — выпалила она, подлетая и хватая меня под руку. — Ты сегодня что, с обложки журнала вышла? Выглядишь потрясно!

— Ты тоже неплохо, — я усмехнулась, оглядывая её внешний вид.

— Заткнись, — беззлобно огрызнулась она. — Зато удобно. Слушай, у нас ещё полчаса до первой пары. Давай сгоняем за кофе? А то я без кофе не человек, а зомби.

— Пошли.

Мы двинулись к выходу из фойе, туда, где находился автомат — небольшой островок в углу холла, возле которого всегда толпился народ. Сегодня там было особенно людно.

— Ого, — присвистнула Юля, глядя на очередь. — Тут стоять — до пенсии.

— Ну, нам спешить некуда.

Мы стояли в конце очереди. Юлька, как обычно, не могла стоять спокойно. Она очень импульсивна, как будто всегда находится в режиме ускоренной перемотки: дёргала лямку рюкзака, перекаtywалась с пятки на носок, стреляла глазками по сторонам.

— Ты слышала, что вчера в деканате было?

— Не-а. А что?

— Короче, прикинь. Наша Клавдия Петровна, эта старая гримза с кафедры истории, застучала Семёнова из четвёртой группы с планшетом на своей лекции. Но не просто с планшетом. Там было такое... — Он думал, что она близорукая, и положил планшет под листик якобы с конспектом — типа записывает. А она подошла, сняла очки, посмотрела на него вот так... — Юля изобразила прищур, смешно сморщив нос и скосив глаза к переносице.

«Семёнов, вы что, решили, что я без очков вообще ничего не вижу? Я в молодости таких хитрецов за версту чуяла». А потом взяла гаджет и ушла с ним в деканат. Говорят, он теперь пересдачу будет ждать до конца семестра.

— Боже, надеюсь, у него там были мемы с котиками, а не какая-нибудь порнуха. А то позорище на весь универ, — я засмеялась, чувствуя, как плечи начинают трястись.

— Говорят, что она самая, — захихикала подруга.

— Ну, Семёнов — тот ещё рискованный тип, — я показала головой, всё ещё улыбаясь.

Очередь подошла незаметно.

Я взяла себе латте с карамелью — большой, тёплый стакан приятно обжигал ладони. Юлька — американо с тройным сахаром, который она называла «жидкой бодростью». Она сделала первый глоток, зажмурилась, как кот, и довольно выдохнула.

— Кайф.

Мы развернулись и направились в сторону аудитории. Прошли несколько метров, и тут Юлька замерла. Буквально на полушаге. Её рука, ещё секунду назад болтавшаяся вдоль тела, вцепилась в мой локоть мёртвой хваткой. Пальцы впились так, что я почувствовала каждый ноготь через ткань рубашки.

— Ой-ой-ой, — выдохнула она. Не своим голосом. Тихо. Протяжно. Как будто увидела нечто невероятное.

— Ты чего? — я глянула на неё с недоумением. — Увидела привидение?

— Лучше, — она чуть кивнула в сторону. Глаза её горели. — Смотри, какие красавчики.

Я лениво повела головой. Без интереса. Как будто она показывала мне очередной плакат на стене.

У широкого панорамного окна, залитого утренним солнцем, стояла группа парней. Человек пять. Кто-то опирался на подоконник, кто-то листал телефон, кто-то что-то расска-

зывал и жестикулировал. Обычная картина для универа.

— Особенно тот в белой футболке, — Юлька практически замурлыкала мне в ухо, и я почувствовала её горячее дыхание. — Просто секси. У меня коленки подкашиваются.

Я бросила быстрый взгляд в сторону.

И всё внутри оборвалось.

ДЫМОВ.

Он стоял чуть в стороне от остальных. Руки в карманах светлых джинсов. Плечи расслаблены. Голова чуть наклонена вбок. На лице — та самая полуулыбка, которую я уже успела выучить. Чуть нагловатая, чуть самоуверенная. Чёрные глаза смотрели прямо на меня. В упор. Он даже не делал вид, что смотрит куда-то в сторону.

Кровь ударила в виски. Пульс застучал где-то в горле — бум-бум-бум. Но я не отвела взгляд. Наоборот — выдержала. Медленно, с ленцой скользнула по нему глазами, будто рассматривала витрину, в которой ничего не привлекло внимания.

— Ничего особенного, — произнесла я ровно. Даже чуть скучающе. Как будто мы обсуждали погоду или цену на хлеб. — Обычный мажор. Таких на каждом углу по десять штук.

Не разрывая зрительного контакта, добавила так, чтобы он точно слышал каждое слово:

— Не моя тема.

Лицо парня изменилось мгновенно. Будто кто-то щёлкнул тумблером. Полуулыбка стёрлась с лица. Челюсть напряг-

лась, скулы обозначились резче, острее. Плечи, которые были расслаблены, словно приподнялись на миллиметр — будто он готовился к прыжку. Взгляд стал острым, колючим. Таким, которым смотрят, когда хотят прожечь дыру. Он был зол. Нет, не зол — взбешён.

Я почувствовала, как по коже пробежали мурашки. Холодные, колючие, от затылка вниз по позвоночнику. Но я не показала вида. Лишь чуть приподняла бровь, как бы спрашивая: «Что-то не так? Сам ведь просил делать вид, что мы не знакомы?»

Юлька впилась пальцами в мой локоть с такой силой, что я чуть не вскрикнула. Она отдёргнула меня в сторону, почти заслонив собой.

— Ты что творишь?! — зашипела она. Глаза её горели, зрачки расширились. — Ты хоть знаешь, кто это? Это же Демьян Дымов! Он вообще-то... он такой...

Она запнулась. Подбирала слова, перебирала их в голове и никак не могла найти нужное.

Я медленно перевела на неё взгляд.

— Такой — это какой? — уточнила я невинно. Чуть склонила голову, изогнула бровь. — Избалованный мальчик с серебряной ложкой во рту?

Юля открыла рот. Закрыла. Открыла снова.

— Умный, богатый, красивый! — выпалила она наконец. Почти выкрикнула, забыв, что мы не одни. — Он не просто мажор, Лина! Он... он статус. Его тут все знают. Он если за-

хочет — тебя в первый же день... — сделала неопределённый жест. — Раздавит. Или, наоборот, поднимет. Понимаешь?

— Поняла, — кивнула я.

Подруга облегчённо выдохнула, будто наконец донесла мысль.

Я выдержала паузу ровно на одну секунду и добавила мягко, почти ласково, с самой невинной улыбкой:

— Полный комплект: умный, богатый, красивый. Осталось только добавить: не кусается и приручен к лотку.

Юлька застыла. Её зрачки расширились до размера монеты, челюсть отвисла. Она уставилась на меня с таким выражением, словно у меня выросла вторая голова. Или крылья.

— Ты... ты... — замолчала на полуслове. — Ты невозможная...

Я только пожала плечами. Сделала глоток латте. Тёплая карамель растеклась по языку, оставляя сладкое послевкусие.

Я развернулась и потянула подругу за собой в сторону аудитории.

— Пошли. А то опоздаем на пару.

Краем глаза заметила, что Дымов так и стоит у окна. Не сдвинулся с места. Руки всё так же в карманах. Но взгляд — приклеен к моей спине. Тяжёлый. Липкий. Прожигающий.

Юлька поплелась за мной, бормоча про то, что я «сумасшедшая» и что у меня «инстинкт самосохранения отключён».

А я улыбалась в свой стаканчик и радовалась маленькой мести.

Мы уже почти дошли до лестницы, как вдруг сзади раздалось:

— Эй, вы! Стоять!

Голос знакомый, с добродушной хрипотцой и лёгкой запыхавшейся интонацией, будто человек бежал за нами по коридору.

Мы с Юлькой синхронно обернулись.

К нам широким, но чуть тяжеловатым шагом приближался Макар. Высокий — под метр восемьдесят, достаточно упитанный и с мягкими чертами лица. Его рыжие волосы, чуть выющиеся от природы, торчали в разные стороны, будто он только что снял шапку или просто провёл ладонью по голове, даже не пытаясь их пригладить. Несмотря на кажущуюся небрежность, одет он был стильно: свободные бежевые брюки, белая футболка-оверсайз, поверх — лёгкий песочный пиджак с закатанными рукавами. На ногах — дорогие светлые кроссовки, явно не с рынка. Видно было, что парень из обеспеченной семьи. Но при этом он был из тех, кого называют «добряками». Улыбка у него была открытая, немного смущённая, а глаза — тёплые, чуть раскосые, с веснушчатой переносицей, которая придавала ему почти мальчишеское выражение.

Он подошёл вплотную, упёр руки в бока и вопросительно уставился на нас по очереди — сначала на меня, потом на

Юльку, потом снова на меня. В его взгляде читалось искреннее беспокойство, смешанное с любопытством.

— Что случилось? — спросил он, чуть запыхавшись.

Я улыбнулась. Перекинула волосы через плечо.

— Да так, ничего такого, на что стоило бы обращать внимание.

Юлька фыркнула. Так громко и выразительно, что Макар приподнял бровь, изображая лёгкое удивление.

— Представляешь! — выпалила она. — Эта сумасшедшая забыла свой инстинкт самосохранения дома! Она на глазах у всех такого наговорила про Дымова. Вслух! При нём!

— Стоп-стоп-стоп, — Макар выставил перед собой ладони, словно регулировщик на перекрёстке. — Что я пропустил?

Юлька уже открыла рот, чтобы выдать полный отчёт с интонациями и жестами — я видела, как она набирает воздух в грудь, как её руки уже готовы рисовать в воздухе драматичные дуги, как вдруг:

— Привет, Ангелина!

Голос раздался откуда-то слева. Мужской. Низкий. Спокойный.

Мы все трое — я, Юлька и даже Макар — синхронно, как по команде, повернули головы.

В нескольких шагах от нас стоял Артём. Красивый, широкоплечий. Светлые волосы слегка растрёпаны, уложены в небрежную причёску. Стильные джинсы идеально сидели по

фигуре. В белой рубашке с коротким рукавом. Она была растёгнута на верхнюю пуговицу, открывала край татуировки на ключице. На запястье — дорогие часы. На лице — чуть кривоватая, наглая улыбка.

В одной руке он держал кофе, который протянул мне.
— Это тебе.

Я моргнула. Посмотрела на стаканчик. Потом на свои руки — в правой уже дымился мой латте, я так и не допила до конца. Взяла второй стаканчик свободной левой, и теперь стояла с двумя, как официантка в неудачный день.

— Привет, — выдохнула я, перехватывая оба стакана поудобнее. Чуть улыбнулась, глядя на него снизу вверх. — Эм... да не стоило.

Артём усмехнулся, засунул руки в карманы джинсов и чуть качнулся на пятках. Взгляд скользнул по мне с лёгкой, почти ленивой оценкой.

— Стоило. Хороший кофе с утора — залог удачного дня.

Юлька рядом со мной замерла. Я буквально чувствовала, как она переваривает эту сцену, как её мозг лихорадочно раскладывает по полочкам: кто это, откуда, почему он принёс кофе именно Лине, и почему я об этом ничего не знаю?

Макар стоял сзади и молчал, но я спиной чувствовала его ухмылку.

— Спасибо. Правда. Но в следующий раз предупреждай, а то я не рассчитаю дозу кофеина.

Он засмеялся. Коротко. Хрипловато. И в этом смехе бы-

ло что-то тёплое, несмотря на всю его показную самоуверенность.

— Договорились.

Он развернулся и пошёл в сторону выхода, даже не обернувшись. Широкий шаг, расслабленная спина, уверенная походка. Просто взял и ушёл, оставив после себя лёгкий шлейф дорогого парфюма и десятков вопросов в воздухе.

Я стояла с двумя стаканчиками кофе и смотрела ему вслед.

Рядом Юлька выдохнула так, будто всё это время задерживала дыхание.

— Лина, — сказала она тихо. Почти шёпотом. — Кто это был?

Я приподняла один стаканчик, потом второй. Улыбнулась. — Вероятно, моя головная боль.

Глава 15 Ангелина

Что происходит, когда мы встречаем человека в первый раз? Наш мозг получает множество стимулов, чтобы сформировать так называемое первое впечатление. Со временем оно изменяется и укрепляется, пока не становится мнением о человеке. Но насколько на самом деле правдиво это мнение? Не иллюзия ли это?

— Офигеть! — подруга подпрыгивает на месте и хлопает себя ладонями по коленям. Глаза у неё круглые, как у совы. — Ты и Демьян вместе? Серьёзно? Вот этот Демьян? Да вы же...

— Прекрати, — шиплю я, прерывая её восхищённый возглас. Оглядываюсь по сторонам. Её громкий голос привлекал много ненужного внимания.

— Я тебе что сейчас рассказала? Нет никаких «вместе». Мы друг друга терпеть не можем с детства. Мы — враги. Уяснила?

— Да уяснила, уяснила, — закатывает глаза она, но улыбка с её лица не сходит. Она вдруг замирает, смотрит на меня как-то странно, прищурившись. — Просто... он на тебя так смотрел сегодня в коридоре. Ты уверена, что это ненависть? Потому что выглядело это... ну, знаешь...

Чувствую, как в груди начинает закипать злость. Оборачиваюсь.

чиваюсь к ней, метнув гневный взгляд. Даже зубы сжимаю, чтобы не сорваться.

— Хватит придумывать. Не заставляй меня жалеть, что я вообще тебе рассказала.

— Всё-всё, молчу! — Юлька проводит пальцем по губам, будто застёгивает молнию. Но глаза у неё всё ещё бегают, и я вижу: она не верит до конца. Ей хочется докопаться, найти романтику там, где её нет и быть не может.

— Ещё Демьян запретил мне рассказывать в универе, что мы знакомы. Тем более — что живу у них. Запретил появляться в поле его зрения и даже смотреть в его сторону.

Юля буквально зависает. Сначала просто моргает — раз, два. Потом её челюсть медленно отвисает, а брови ползут вверх так высоко, что почти прячутся под чёлкой.

— Чего-чего? — выдаёт осипшим голосом. — Подожди... Он запретил? Ты серьёзно?

Я молча киваю, наблюдая за тем, как подруга превращается в фурию.

— Вот козёл, — выдаёт искреннее возмущение. Даже кулак сжимает. — Я, значит, хожу, думаю: «Ой, Демьян, какой красавчик, какой крутой, просто душа». А он — просто... самовлюблённый чёрствый индюк, который решил, что ему всё можно! Теперь понимаю, почему ты сегодня себя так велла. И знаешь, что скажу: этого ещё мало. Нужно поставить его на место. Слышишь? — тычет в меня пальцем.

Я выдыхаю. Тепло разливается по груди. Я знаю эту де-

вушку всего второй день, а она уже так яростно за меня заступается. Приятно, чёрт возьми. Очень.

На губах сама собой появляется улыбка. Легонько кладу руку ей на плечо.

— Юль, успокойся. Правда, всё нормально. Я привыкла. Мы с ним с детства собачимся, это уже как ритуал. Если он хоть раз не попытается меня задеть или сделать какую-нибудь пакость — я, наверное, решу, что он заболел и надо вызывать скорую, — усмехаюсь.

— Он всегда таким был?

— Всегда. Это его режим по умолчанию, — я пожимаю плечами. — Так что я разберусь. Не в первый раз. Видала выходки и похлеще. Помню, в детстве он мне лягушку в кровать подложил. Я, конечно, отомстила потом: спрятала его любимые кроссовки. Закинула их на крышу кладовки. Он был очень зол.

Юлька прыскает, прикрывая рот ладонью.

— Господи, вы два психа!

Теперь я уже смеюсь вместе с ней.

— Слушай, — Юлька вдруг хитро прищуривается и понижает голос. — А что насчет того красавчика, который принес тебе кофе? Такой... высокий. Симпатичный.

Я чувствую, как щеки начинают гореть. Опускаю взгляд и провожу рукой по волосам, стараясь скрыть смущение.

— А... это Артём. Друг Демьяна.

— Чего? — подруга снова округляет глаза.

Начинаю объяснять.

— Случайно с ним познакомилась. Вчера, когда я в универ пришла, он подошел и спросил, нужна ли помощь. Предложил проводить. Ну... мы поболтали немного. Оказалось — нормальный парень.

Подруга присвистывает — тихо, но выразительно.

— Ну ни фига себе. Друг Демьяна, а такой милаш. Чувствую, намечается что-то интересное, — загадочно улыбается и стреляет глазами.

— Ой, да ладно тебе, — я фыркаю и легонько толкаю ее в бок локтем. — У тебя фантазия слишком развита. Ты не пробовала романы писать? Думаю, неплохо получилось бы.

— А что? Может, и попробую, — хохочет и подмигивает мне. — Первая глава будет про тебя и Артёма. Или про тебя и Демьяна? Ой, я запуталась в любовном треугольнике...

Закатываю глаза и смеюсь.

— Ты невыносима.

— Я знаю, — она пожимает плечами и подхватывает мой смех.

Тут дверь аудитории распахивается. В проеме показывается преподаватель — строгая женщина в очках. В зале наступает тишина. Она окидывает всех взглядом поверх оправы. Мы переглядываемся. Юлька прикусывает губу, чтобы вновь не рассмеяться, и шепчет одними губами: «Продолжим потом».

Я киваю в ответ на ее шепот.

До конца пар мы так и не поговорили нормально. Макар всё время тёрся рядом, подкатывал со своими шутками. К тому же расписание было такое: одна пара впритык к другой, маленькие передышки, которые тут же заполнялись другими делами или спешкой на следующее занятие. У нас просто не оставалось ни минуты покоя.

Честно говоря, мне и не хотелось больше поднимать эту тему. Все эти разговоры про романтику, про «он так смотрел» — ну бред же. А Юлька явно была настроена раздуть из этого историю вселенского масштаба. Я слишком хорошо ее узнала за эти два дня. Если она что-то вбила себе в голову — пиши пропало.

После четвертой пары я вышла из аудитории, уставшая и голодная. В коридоре гул голосов, кто-то бежит, кто-то стоит кучками. Я уже собираюсь повернуть к лестнице, как вдруг замечаю Артёма.

Он стоял у самого входа, прислонившись плечом к стене. Руки в карманах джинсов, голова слегка наклонена. На лице легкая улыбка. Когда замечает меня, улыбка становится шире, и он поднимает руку, машет.

— Привет, — говорит он негромко, но я слышу даже сквозь шум коридора.

Я замираю на секунду и чувствую тычок в бок.

— Ой, смотри-ка, — шипит Юлька мне прямо в ухо. Она активно жестикулирует одними бровями — поднимает их, опускает, снова поднимает. — Твой красавчик нарисовался.

А я что говорила? Ну все, я пошла. Потом расскажешь все до мельчайших подробностей.

Эта сумасшедшая подмигивает мне, разворачивается и буквально испаряется в толпе, оставляя меня одну. Я провожаю ее взглядом, качаю головой.

Потом поворачиваюсь к Артёму и делаю шаг к нему.

— Привет ещё раз, — говорю я, останавливаясь напротив. Поднимаю голову, смотрю прямо в глаза. — А ты чего тут делаешь? Не ожидала тебя увидеть. Вы ведь вроде в другом крыле обитаете?

Парень пожимает плечами, и эта его простая расслабленность почему-то сразу располагает.

— Хотел увидеть. Поговорить. Твоего номера у меня нет, написать не мог. Вот и пришлось караулить у аудитории.

Он усмехается, и я замечаю ямочку на его щеке.

— Ну, если честно, я приятно удивлена, — признаюсь я. — Думала, ты просто из вежливости кофе купил.

— Нет, не из вежливости, — он качает головой. — Слушай, может, пройдемся? Погода отличная. Тут рядом небольшой парк. Посидим, поболтаем.

Я смотрю на него пару секунд. Внутри легкое сомнение, но оно быстро тает. Потому что Артём смотрит открыто, без намеков, без той наглости, которая так бесит в Демьяне.

— Пошли, — соглашаюсь.

Мы выходим на улицу, и я делаю глубокий вдох. Воздух свежий, солнце уже клонится к закату, но все еще тепло. Во

дворе университета тихо — пары закончились, большинство студентов разошлось. Мы находим свободную лавочку под старым кленом. Я сажусь, Артём опускается рядом, чуть развернувшись ко мне.

Мы болтаем. Сначала о мелочах: о том, как я осваиваюсь в универе, какие предметы нравятся, какие преподаватели бесят. Потом он рассказывает о себе — что учится на третьем курсе, что живет отдельно от родителей, что любит машины. Я слушаю, киваю, улыбаюсь. И замечаю, что время летит незаметно.

С ним легко. По-настоящему легко. Никакого напряжения, никаких подколов. Просто приятный разговор, и я чувствую, как внутри разливается какое-то теплое, спокойное чувство.

Я уже почти забываю обо всем на свете, как вдруг боковым зрением замечаю движение.

По дорожке, ведущей мимо нашего двора к главному корпусу, идет Демьян.

Я узнаю его сразу. По этой уверенной, немного развязной походке. По тому, как он несет себя — плечи расправлены, подбородок чуть приподнят. Он идет нагло, вальяжно, будто весь мир принадлежит ему. Руки в карманах черной куртки, взгляд устремлен вперед — он явно куда-то направляется и пока не замечает нас.

У меня внутри все сжимается. Я невольно напрягаюсь.

— О, смотри, Демьян идет, — говорит он буднично и под-

нимает руку. — Демьян! Демьян, эй!

Дымов останавливается. Медленно, будто нехотя, поворачивает голову в нашу сторону. Когда взгляд падает на меня, я вижу, как на секунду его лицо каменеет. Но он быстро берет себя в руки — и через пару секунд уже стоит перед нами.

— Чего? — спрашивает он коротко. Смотрит на Артёма, меня игнорирует.

— Познакомься, — Тёма кивает в мою сторону, явно не замечая напряжения. — Это Ангелина. Я тебе про нее рассказывал.

«Они обо мне говорили? Очень интересно», — проносится в голове.

Дымов переводит взгляд на меня. Медленно. Очень медленно. В его глазах — холод, смешанный с раздражением. Смотрит на меня так, будто я лично испортила ему весь день.

Я открываю рот, чтобы сказать хоть что-то, как вдруг слышу сбоку противный, писклявый голос:

— Ой, и ты тоже тут?

Рядом с Демьяном, буквально из ниоткуда, появляется Лиза. Его девушка. Стоит, склонив голову набок, и смотрит на меня своими кукольными глазками. Тонкие пальцы с длинными наращенными ногтями теребят край сумки. Она морщит свой маленький носик, будто я неприятно пахну.

Артём переводит взгляд с меня на Лизу.

— Вы знакомы? — спрашивает он, чуть нахмурившись.

Лиза улыбается — тонко, слащаво, противно.

— Конечно, знакомы, — тянет она, и в её голосе слышится насмешка. — Мы с ней несколько дней назад познакомились в особняке Дымовых.

Повисает тишина.

Тяжелая. Напряженная. Такая, что слышно, как ветер шелестит листьями клена. Я чувствую, как холодеют кончики пальцев.

Артём замирает, его взгляд становится тяжелым — он смотрит на нас троих по очереди.

Демьян стоит, скрестив руки на груди, и молчит. Челюсть сжата, на скулах играют желваки.

Зато Лиза, довольная произведенным эффектом, улыбается ещё шире и закатывает глаза, будто сказала что-то само собой разумеющееся.

Глава 16 Ангелина

Я стою, как вкопанная, и чувствую, как земля уходит из-под ног.

Артем переводит взгляд с меня на Демьяна. В его глазах мелькает удивление. Он явно не ожидал такого поворота.

— В смысле — у Дымовых? — переспрашивает медленно, и в голосе проскальзывают нотки непонимания. Опять смотрит на меня, и я вижу, как его теплая улыбка тает, сменяясь растерянностью. — Ангелин, ты не говорила...

Открываю рот, чтоб ответить, но не успеваю. Лиза опережает меня. Всплескивает руками, изображая удивление. Ее длинные ногти с ярко-красным лаком мелькают в воздухе. Поворачивается к Демьяну и округляет глаза — притворно, наигранно, будто актриса в дешевом сериале.

— Дём, ты что, не рассказал своему лучшему другу, что твой папа привел в дом эту... — она делает паузу, окидывает меня взглядом с головы до ног, и на ее губах появляется брезгливая усмешка, — бедную родственницу? Или кто она там тебе? Неважно. Из своего Мухосранска. Поселил в своем доме и теперь тебе приходится терпеть ее присутствие каждый день.

Она фыркает. Этот звук режет слух. Я чувствую, как внутри все закипает. Пальцы сжимаются в кулаки сами собой.

Эта гадина тянется к своему парню и берет его под руку. Прижимается к нему, будто демонстрируя права на него.

Демьян резко выдергивает руку. Глаза темные, тяжелые. Смотрит на Лизу в упор.

Но словно не замечая напряжения и гневного взгляда Дымова она продолжает, явно войдя во вкус:

— Оказывается, Вадим Сергеевич и тут постарался — пристроил её в наш универ. Надо же! — закатывает глаза, будто это верх неприличия. — Ну как тебе такое? Весело, правда?

Артём по-прежнему молчит, явно находясь в замешательстве.

— Заткнись! — рыкнул Дым.

Одно слово. Короткое. Резкое. Как пощечина.

Лиза замирает. Улыбка сползает с лица. Она хлопает ресницами, явно не ожидая такой реакции от своего парня.

— Ч-что? — переспрашивает растерянно. — Ты же сам говорил...

— Я сказал, заткнись! — повторяет Демьян, и теперь в его голосе слышится металл. Делает шаг к ней, и та инстинктивно отступает. Бледнеет. Губы сжимаются в тонкую линию. Бросает в мою сторону полный ненависти взгляд, будто я виновата в том, что Демьян на нее наорал.

Дымов переводит взгляд, смотрит на меня пару секунд, и я не могу понять, что в его глазах — злость или что-то другое. Он открывает рот, будто хочет что-то сказать, но по-

том разворачивается и уходит. Быстро. Чеканным шагом, не оглядываясь.

Лиза ещё какое-то время топчется на месте, глядя на удаляющегося Демьяна. Кусает губу, нервно поправляет волосы, а затем вновь кидает на меня уничтожающий взгляд, срысывается с места и бежит за ним. Её каблучки цокают по асфальту, и этот звук еще долго отдается у меня в ушах.

Солнце всё ещё светит, но мне вдруг становится зябко. Я обнимаю себя руками, чувствуя, как внутри все дрожит.

Рядом тихо выдыхает Артём.

Поворачиваюсь к нему. В его глазах вопрос. Много вопросов. И кажется, он не знает, с какого начать. Собирается с мыслями. Потом выдыхает и наконец спрашивает:

— Почему ты не рассказала, что живешь у Дыма?

Он смотрит на меня с таким видом, будто я его обманула. Будто я обязана была выложить ему всю свою подноготную при первой же встрече. Чувствую, как внутри закипает волна возмущения. Брови сами собой ползут вверх. Я даже головой слегка качаю, не веря своим ушам.

— В смысле — почему не рассказала? — переспрашиваю я с вызовом.

Меня жутко бесит что оказалась в такой ситуации.

— А должна была?

Он открывает рот, но я не даю ему вставить ни слова. Делаю шаг ближе и смотрю прямо в глаза.

— С чего ты вообще взял, что я должна тебе отчитывать-

ся? Мы знакомы с тобой всего один день! Ты кто мне такой вообще? — я развожу руками, чувствуя, как внутри все кипит. — А может мне нужно повесить на себя табличку: «Я приехала в Москву из провинции, и теперь живу у Дымовых»?

Артем отшатывается. Его глаза расширяются, явно не ожидая такой резкой реакции. Он поднимает руки в примирительном жесте, ладонями вперед.

— Нет-нет, подожди, я не то имел в виду, — говорит быстро, сбивчиво.

Проводит рукой по затылку, явно пытаясь подобрать слова. Его взгляд мечется — то на меня, то в сторону, то снова на меня. — Прости, я правда не это хотел сказать. Просто... — он замолкает, сглатывает, и я вижу, как на его скулах играют желваки. — Просто это было неожиданно. Я растерялся. Но ты права. Абсолютно права. Ты не обязана была мне ничего рассказывать. Мы познакомились только вчера. Прости, — говорит он мягче и в его взгляде уже нет той обиды или претензии. Только искреннее сожаление и — я готова поклясться — симпатия. Смотрит так, будто боится, что сейчас я развернусь и уйду навсегда. — Я ляпнул, не подумав. Это было глупо.

Замолкает, переминается с ноги на ногу и явно не знает, что еще сказать, чтобы загладить вину.

Злость потихоньку начала отпускать. Дыхание выравнивается. Я наблюдаю за ним таким растерянным, сбитым с тол-

ку, и понимаю, что он правда не хотел меня обидеть. Просто вырвалось.

— Давай я провожу тебя до аудитории? — предлагает он с надеждой в голосе. Держится уже не так уверенно, как в начале нашего разговора. Даже плечи чуть опущены.

Я качаю головой. Разворачиваюсь, волосы взлетают от резкого движения.

— Спасибо, сама доберусь, — бросаю через плечо.

И делаю шаг. Потом второй. Не оглядываясь. Слышу, как он остается стоять на месте, и чувствую его взгляд спиной.

Иду по дорожке, сжимая лямку рюкзака. Сердце колотится где-то в горле. Хочется провалиться сквозь землю, но в то же время я чувствую странное облегчение.

Позади слышен тихий вздох. И потом — шаги, удаляющиеся в противоположную сторону.

Я шла по коридору, пытаюсь стряхнуть с себя остатки этого неприятного разговора. Рюкзак тянул плечо, а в голове гудело, будто там поселился рой разъяренных пчел. Я уже почти добралась до двери библиотеки, как из-за угла, будто тень, возникла Юлька. Подозрительно оглядела меня с ног до головы, прищулив один глаз.

— Ты чего такая взвинченная? — спросила она, неторопливо разжевывая жевательную резинку. Щелчок был громким в тишине коридора. — Артёмка накосячил?

Я тяжело вздохнула, прислонившись к прохладной стене. Кафельная плитка на мгновение охладила разгорячен-

ную спину.

— Да ты прикинь, — начала я, понизив голос до шипящего шепота. — Он решил познакомить меня с Демьяном. Сюрприз-сюрприз.

Брови Юльки взлетели куда-то под челку. Она перестала жевать, вынув резинку и заботливо завернув ее в фантик.

— Вау. Смелый шаг. Ну и как? — подмигнула. — Познакомил?

— Ну как сказать... — я иронично фыркнула, скрестив руки на груди так плотно, что костяшки пальцев побелели. — Не успел. В самый кульминационный момент появилась девушка Дымова.

Теперь Юлька замерла полностью.

— Так, стоп, стоп, стоп. — Она провела рукой по воздуху, будто режет невидимую нить. — Я не успеваю за ходом твоих мыслей! Повтори медленно у Демьяна. Есть. Девушка. И она. ЗНАЕТ. О ТЕБЕ?

Последние слова она произнесла с таким придыханием. Меня это бесило и смешило одновременно.

— Перестань так говорить! — я шумно выдохнула, отгаликиваясь от стены и разводя руками. Возмущение прорвалось наружу. — Будто между мной и этим идиотом что-то есть! Ничего нет, не было и не будет!

— Прости, вырвалось! Больше не буду. Честное слово!

Но я не поверила. Уж очень ее лицо было неубедительно: на губах застыла какая-то странная, знающая улыбка. Не

широкая, а скорее кривая, один уголок рта чуть приподнят.

Указательным пальцем я тыкнула в ее сторону.

— Сотри эту ухмылку с лица, Юль. Не то вообще ничего не рассказывать не буду.

Она притворно-смиренно опустила голову, но, когда подняла взгляд, в ее карих глазах все так же играли веселые, озорные искорки.

— Ладно, ладно, не злись. Рассказывай дальше. Что было-то?

Я снова вздохнула, запустив пальцы в волосы.

— Ну, явилась, эта Лиза вся такая... отутюженная и ядовитая. И «как бы невзначай» так сладенько вывалила Артёму всю подноготную. Что мы с Демьяном знакомы, что я живу в их доме, что из глубинки, что папаша Дымов меня «пристроил». Всё, ничего не упустила. С таким видом, будто таракана нашла.

— Ох... — протянула Юлька, свистнув сквозь зубы. — Жестко. И что Артём?

Тут во мне снова закипело. Я заговорила быстрее, жестикулируя.

— А Артём! Он после этого на меня как наехал! Спрашивает: «Почему ты не рассказала?» — Я передразнила его обиженный тон. — Представляешь? Смотрит так, будто я его предала! Будто обязана отчитываться! Словно я его девушка и скрыла от него что-то архиважное!

Я всплеснула руками, глаза у меня, наверное, горели.

— Какое, простите, вообще дело этому Артёму, где я живу и с кем?! Я что, каждому встречному-поперечному должна историю жизни выкладывать? Он один раз проводил, принес кофе и всё? Мы связаны на веки?

Юлька слушала, прикрыв рот ладонью, но плечи ее мелко подрагивали от сдерживаемого смеха. Взгляд был живым, заинтригованным.

— Ну, знаешь... — начала она, наконец опустив руку. На ее лице снова расцвела та самая загадочная ухмылка. — Я все же, пожалуй, последую твоему совету.

— Какому?

— Начну-ка я писать книгу, — торжественно объявила она, делая в воздухе мнимую запись указательным пальцем. — Сюжет сам в руки идет. «Девушка из провинции, тайна аристократического дома, ревнивая невеста, разгневанный друг семьи...» — Она мечтательно закатила глаза. — Учтивая, какие у тебя тут страсти разгораются на ровном месте, история выйдет очень даже захватывающей. Бестселлер, не меньше.

— Смешно тебе. А мне это вообще не нужно, честно. Я приехала сюда учиться, зубрить, прорываться, а не за этим всем... мылом оперным.

Юлька оттолкнулась от стены и хлопнула меня по плечу.

— Ну-ну, — сказала заговорщицки. — Но главу эту, считай, я уже закончила. И знаешь что? Интрига только начинается.

— Ты невыносимая, знаешь об этом!

— Знаю. Пойдем, выпьем кофе, а то ты вся на нервах,

— рассмеялась подруга, ловко подхватила меня под руку и потянула за собой.

Глава 17 Демьян

Днем в парке я просто развернулся и ушел. А что мне еще оставалось делать? Объясняться? Хера с два.

Я не обязан никому ничего объяснять. Ни Лизе. Ни Артему. Ни кому-либо.

Шел быстро, чеканя каждый шаг, и чувствовал, как в груди разгорается глухое раздражение. Хотелось пнуть урну или вмазать кулаком по стене — лишь бы выпустить пар.

Да не сказал я Тёме про Ангелину. И что? Это, блядь, трагедия мирового масштаба? Сказал бы позже. Дня через три. Или через неделю. Какая на хрен разница? Теме вообще должно быть плевать, кто живет в моем доме. Я не отчитываюсь перед ним за каждый чих.

Когда я ставил Ангелине условие, я даже не мог предположить, что они пресекутся. Какова была вероятность? Двадцать пять тысяч студентов в этом долбаном универе. Двадцать пять тысяч! И он умудрился наткнуться именно на неё.

Да, Ангелина красивая. Безумно красивая. Волосы, глаза, губы... Чёёёрт!

Провел рукой по лицу. Пальцы дрожали от напряжения стоило вновь представить ее лицо. Это бесило до скрежета зубов.

Тряхнул головой, отгоняя мысли. Мне не нужен этот лишний геморрой. У меня своя жизнь, свои планы. А эта девчон-

ка пусть с Артёмом сама разбирается.

Свернул за угол и ускорил шаг, но проклятый цокот каблучков не отставал. Он врезался в мозг, как дрель в бетон — резко, навязчиво, до босячки. Цок-цок-цок. Быстрее. Еще быстрее.

— Дем! Дем, подожди!

Голос Лизы резанул по нервам. Я стиснул челюсть так, что зубы заскрипели. Она не унималась. Семенила следом, пытаясь догнать меня на своих дурацких шпильках.

— Демьян!

Я резко остановился и развернулся так стремительно, что Лиза едва не впечаталась в меня. Затормозила в последний момент, выставив руки вперед, и замерла, тяжело дыша. Её щеки покраснелись от бега.

— Хватит, — рявкнул, зло. Я даже не пытался скрыть раздражение. — Прекрати меня преследовать. Ты достала уже!

Она открыла рот, но я не позволил вставить ни слова.

— Мы расстались. Между нами, все кончено. Мы не вместе. Точка. Так что прекрати вести себя так, будто у тебя есть хоть какие-то права на меня.

Лиза побледнела. Часто-часто заморгала, на глазах выступили слезы. Но мне было плевать. Меня прорвало, и остановиться я уже не мог.

— Мне надоели твои выходки. Твои истерики. То, как ты везде суешь свой нос. То, что было... — я сделал паузу и посмотрел ей прямо в глаза. — Это было ошибкой. Я вообще

не должен был с тобой связываться.

Последние слова повисли в воздухе, тяжелые и ядовитые. Я ждал, что сейчас начнется истерика — всхлипы, обвинения, может быть, даже пощечина. Но Лиза молчала. Она просто стояла и смотрела на меня пустыми, остановившимися глазами. И это молчание было хуже любых криков.

Она провела дрожащей рукой по волосам, убирая выбившуюся прядь. И спросила сухо, буднично, словно мы обсуждали погоду:

— Это все из-за этой колхозной девки?

Я замер. Секунду смотрел на нее, а потом рассмеялся. Коротко. Без тени веселья.

— При чем тут она? — покачал головой. — Ты вообще ничего не поняла, да? Дело не в ней. Дело во мне. Я тебя не люблю, Лиза. Никогда не любил. И, — я выделил каждое слово, — Никогда. Не полюблю.

Она вздрогнула. Будто я ударил ее по лицу. Но слезы так и не потекли. Сжала губы в тонкую линию, кивнула — раз, другой, будто принимала какой-то факт, — а потом проговорила:

— Я расскажу обо всем отцу. Тебе прекрасно известно, что за этим последует. Он не допустит нашего расставания.

— Плевать, делай что хочешь, — повернулся к ней спиной и пошел в сторону стоянки по пути закуривая сигарету.

Дойдя до машины, я увидел Гринева. Гулко выдохнул. Воздух вышел из груди с шумом — почти со свистом.

Что всем от меня сегодня надо? Блядский день.

Артем стоял, прислонившись к капоту моей «Ауди». Руки скрещены на груди. Ноги расставлены. Взгляд тяжелый, давящий — он буравил меня им пока я приближался. Мне было плевать на его угрожающий вид. Пусть хоть дыру во мне просверлит — похуй. Я готов был к любому разговору.

— Ничего блять не хочешь объяснить? — его голос глухой, напряженный. Как струна перед тем, как лопнуть.

Я остановился в двух шагах. Приподнял бровь. Смотрел на него в упор, молча.

— Какого хуя ты скрыл от меня, что вы знакомы? — Артем подался вперед.

Увидел, как на его шее вздулась вена.

— Я как полный дебил рассказываю тебе про нее. Знакомлю. А ты делаешь вид, что вы незнакомы. Как это понимать?

Я дернул плечом. Раздражение снова поднималось, но я держал его.

— Что ты хочешь, чтоб я сказал?

— Правду.

— Какую правду? Не драматизируй. Да не сказал. И что? Какое это имеет значение?

— Не имеет? — Артем сжал кулаки. Костяшки побелели.

— Для меня — нет, — отрезал. — Я теперь должен рассказывать тебе о всех людях, которые приходят в наш дом? Лера, Ангелина, да хоть Глаша — я не придаю им значения.

— Это не одно и то же.

— Для меня одно.

Артем шагнул ближе. Я чувл напряжение, исходящее от него волнами.

— Ты мой друг, — сказал он и я узнал это не от тебя, Дем. Я узнал это от постороннего человека. Потому что мой лучший друг, которого я знаю восемнадцать лет, мне просто... не сказал. В этих словах было столько — обида, злость, непонятная боль.

— Что ты сейчас от меня хочешь?

Он молчал. Сверлил меня глазами.

— Хочу, чтоб ты прекратил вести себя как конченый мудака, — выплюнул он.

Я усмехнулся. Криво. Горько.

— Я и есть мудака. Давай. Хочешь — врежь мне за это. Давай. Может полегчает, — развел руки в стороны, чуть наклонил голову, подставляя лицо. Левую щеку. Как будто приглашая.

Замер. Ждал.

Артем не пошевелился. Стоял, сжимая кулаки, и смотрел на меня. В его глазах метались тени — злость боролась с чем-то другим. С чем-то, что не позволяло ему ударить. Я знал это чувство. Это когда друг накосячил так, что хочется разможжить ему лицо, но рука не поднимается, потому что он — твой брат.

— Не хочешь? Тогда поехали бухать. Меня всё заебало.

Развернулся и двинулся к машине и когда уже открывал

дверь, услышал за спиной:

— Мы еще не закончили.

Вскинул руки в сдающемся жесте — ладони раскрыты, пальцы растопырены. Обернулся.

— Хорошо. Но сначала бухло. Идет?

Друг смотрел на меня еще пару секунд. Потом медленно кивнул.

Поехали по отдельности.

Пока я крутил баранку, мысли в голове мешались в клубок. Я злился. И как не странно на самого себя. И чем ближе подъезжал к бару, тем отчетливее понимал: я не прав.

Мы редко ругались. Я имею в виду — по-настоящему. За всю нашу дружбу, а это почти восемнадцать лет, такие ссоры можно было пересчитать по пальцам одной руки. Мы знали друг друга как облупленных. Я знал, когда он врёт, когда притворяется, когда ему больно. И он знал то же самое про меня. Мы были как братья — ближе, чем некоторые родные.

И сейчас эта ситуация между нами жгла меня изнутри.

Я облажался.

Ангелина — это моя личная головная боль. Моя проблема. Моя старая рана, которую я занашивал годами. Но втягивать в это Артема... скрывать, врать, делать вид, что ничего страшного не произошло — это было по-свински. Он заслуживал знать.

К заведению мы подъехали одновременно. Бар назывался «Медь» — модное место с приглушенным светом, лампочка-

ми под старину и тяжелыми деревянными столами. Тут всегда пахнет деревом, хмелем и играет джаз.

Когда мы вошли, Артем все еще смотрел волком. Он не сказал ни слова, пока мы плюхались за дальний столик у стены.

Я махнул официанту:

— Два виски, двойные, без льда.

Худенький паренек вежливо кивнул и ушелся. А спустя пару минут вернулся и поставил перед нами два бокала с коричневой жидкостью.

Стекло приятно обожгло пальцы, когда я взял тару. Сделал глоток. Виски покатился по горлу теплой волной. Терпкий, с нотками дуба и дыма он оставил на языке горьковатое послевкусие.

Артем молчал. Смотрел в стол.

Я поставил стакан. Вздыхнул. И начал первым.

— Слушай. Я был не прав.

Друг дернул бровью, но промолчал.

— Я облажался. По-крупному, — провел рукой по лицу, потер переносицу. — Я не должен был скрывать. Ты мой друг. Ты — единственный человек, которому я доверяю. И я поступил как мудака. Прости. Сам не знаю почему не рассказал. Мне казалось... что это неважно. Что Ангелина — просто случайный человек, который появился в моем доме. Я хотел сделать вид, что ее не существует.

Артем молчал еще несколько секунд. Потом сделал гло-

ток виски, поморщился и поставил стакан на стол с глухим стуком.

— Рассказывай.

Я собрался с мыслями — и выложил ему все как на духу. Про отцов. Про детство — как мы грызлись с Ангелиной. Как ненавидели друг друга так, что это чувство въелось под кожу.

Я думал, что больше никогда ее не увижу. И был, сука, рад.

Гринев слушал меня внимательно. В его взгляде уже не было той злости — только понимание.

— Почему вы невзлюбили друг друга? — Он подался вперед, уперся локтями в стол. — Дети часто ссорятся, это нормально. Но чтобы так... чтобы на годы. Чтобы даже спустя десять лет ты смотрел на нее с ненавистью. Так просто не бывает, Дем. Что между вами произошло?

Я замер.

Стакан застыл на полпути к губам. В голове — белый шум. Вопрос ударил под дых, хотя я должен был ожидать его. Конечно, он спросит. Конечно, ему нужна причина. Артем всегда был дотошным, он не принимал полуответов.

Но эту причину я не мог назвать вслух. Не хотел. Как бы не доверял другу. Но я не мог рассказать об этом. Даже ему.

— Я не знаю, — выдохнул я. Пожал плечом. Равнодушно, как будто речь шла о погоде. — Так получилось. Она бесила меня. Я бесил ее. Мы не сошлись характерами. Бывает.

Артем прищурился. В его глазах мелькнуло сомнение.

— Не сошлись характерами? — переспросил он с легкой усмешкой. — Серьезно? И из-за этого вы грызлись годами?

— Да.

— Звучит как херня.

— Это правда, — соврал я и отвел взгляд.

Повисла пауза. Тягучая, неудобная. Я чувствовал, как он сверлит меня взглядом, пытаюсь пробурить дыру в моем спокойствии. Но я молчал. Смотрел в стол. Водил пальцем по краю стакана, оставляя на мокром стекле полосы.

— Ладно, — наконец сказал он. — Не хочешь говорить — не говори. Твое право.

Я выдохнул. Незаметно. Внутри.

— Значит это ты попросил её молчать, — сказал он не вопросом, а утверждением.

— Я попросил — нет, потребовал — чтобы она делала вид, что мы не знакомы. Чтобы в университете не подходила, не здоровалась. Игнорировала меня.

Артем криво усмехнулся.

— Глупо.

— Я знаю.

Он допил виски одним глотком. Поставил стакан. Протянул мне руку.

Я пожал его ладонь. Крепко. Как всегда.

— Спасибо, что выслушал.

Мы заказали ещё по одной. Потом ещё. Я чувствовал, как

алкоголь растекается по телу, отпускает напряжение. Самое время повеселиться. Обстановка в баре к этому располагала — музыка стала громче, на танцполе зажгли огни, девчонки в коротких юбках смеялись у барной стойки.

— Давай забудем эту херню и начнем отрываться по полной, — предложил, хлопнув ладонью по столу.

Артем мотнул головой.

— Не хочу.

Я удивился. Он никогда не отказывался от такого. Обычно он первый тащил нас в гущу событий.

Друг взял очередную порцию виски, выпил её почти залпом и подался ко мне через стол. Его взгляд уже начал мутнеть, щеки покраснели — алкоголь делал свое дело.

— Знаешь, чего я хочу? — спросил он. Голос стал хриплым, низким.

— Чего?

— Я хочу её.

Я ухмыльнулся и начал оглядываться по сторонам в поисках той, что привлекла его внимание.

Возле барной стойки стояла девушка. Красивая брюнетка. Сексуальная. Полные губы. Талия — песочные часы.

— И правда ничего такая, — присвистнул я. — Прямо все как ты любишь.

Артем скосил глаза на незнакомку всего на секунду, потом прицокнул языком.

— Нет, — отрезал он. — Не ее.

— Кого тогда? — удивленно поинтересовался и мои глаза вновь забегали по залу выискивая ту самую.

— Ангелину. Я хочу Ангелину.

Время будто остановилось.

Музыка стала тише. Свет — тусклее.

Под ребром что-то кольнуло. Острое. Болезненное.

Я не понял этого чувства. Не успел осознать. Оно пришло и ушло — мгновенно.

— Ты ведь не против если я начну за ней ухаживать? Ты сам сказал. Вы враги. Ты её ненавидишь. Или это не так? И она тебе самому нравится?

Я молчал.

В груди разрасталось что-то липкое и тяжелое. Не мог объяснить, почему эти слова вызвали во мне такую бурю. Но я чувствовал это каждой клеткой. Каждым нервом.

По телу пробежала дрожь. Я сжал стакан так, что он едва не треснул.

Почему мне так хреново? Почему внутри всё переворачивается?

— Так нравится или нет? — повторил он. Голос стал тише, но настойчивее.

— Нет, — соврал я. — Мне похер на неё, — ещё одна наглая ложь. Я не хочу, чтобы Ангелина была чьей-то. Даже моего лучшего друга.

Особенно моего лучшего друга.

Глава 18 Демьян

После нашего разговора с Гринёвым прошло две недели. И все эти дни я чувствую себя так, будто подхватил заразу, от которой не спастись таблетками и алкоголем. Сердцебиение участилось до абсурда — оно колотится в груди, словно пытается вырваться наружу. Меня бросает то в жар, то в холод. Кожа покрывается мурашками, в висках пульсирует тупая боль. Я мог бы списать всё на простуду. Но нет. Потому что это начинается каждый раз, стоит лишь появиться в поле зрения Ангелине.

Эта девчонка — как эпидемия. Бесшумная, незаметная. Просачивается под кожу, отравляет кровь, въедается в мысли — и ты уже не понимаешь, когда именно это произошло, но обратного пути нет. Каждый раз, когда она входит в комнату — в универ, в общую кухню, в любой уголок, где мы вынужденно пересекаемся, — мир на миг замирает. Я отворачиваюсь. Заставляю себя смотреть в другую сторону. Но тело предаёт: пульс срывается с цепи, жар разливается по венам, и я чувствую её присутствие кожей ещё до того, как увижу.

Днём, ночью, в пробках, на лекциях — думаю о ней. Постоянно. Я твержу себе: «Ненавижу. Она — лживая, лицемерная сука. Выскочка. Чужая. Она разрушила мою спокойную жизнь». Но слова — пустой звук. Они не спасают. Я всё равно думаю. Без остановки. Блядство.

Тогда, в баре, когда Артём спросил, не буду ли я против, если он начнёт с ней встречаться... Я должен был сказать: «Нет. Я против. Блять, я против!»

Но я ничего этого не сказал. Потому что не мог. Ведь пришлось бы либо признаваться, что она мне... нет, даже думать об этом не хочу. Либо называть причину своей ненависти. Ни того, ни другого я не хотел произносить вслух.

Но ещё больше я не хотел, чтобы Соловьёва стала его девушкой. Ведь если это случится, она будет рядом. Всегда. В нашей компании. В наших тусовках. Будет сидеть напротив, и я буду видеть, как она поправляет волосы, как облизывает губы, как смеётся над его шутками. Я буду вдыхать запах её духов каждый чёртов день. И не смогу отвернуться. Потому что она — любимая моего лучшего друга.

С самого начала я запрещал ей приближаться к нему не из каприза. Я не хотел её в своём пространстве. В моей жизни. На постоянной основе. Я хотел, чтобы она оставалась где-то далеко, чтобы я мог контролировать расстояние между нами. Дозировать её присутствие, как яд — маленькими глотками, которые не убьют сразу.

Но всё пошло по пизде.

И я сам во всём виноват. Сам сделал это с собой. Сам дал зелёный свет другу.

Сглотнул ком, вставший поперёк горла. Разлепил губы — сухие, как наждак. И выдавил:

— Да без проблем. Встречайся. Я же не зверь.

Он тогда улыбнулся. Широко, искренне, с облегчением. Обнял одной рукой, хлопнул по спине и убежал счастливый, даже не подозревая, что только что воткнул нож в самое сердце моего спокойствия.

У меня было много баб. Но ни с одной я не испытывал даже доли того, что чувствую, просто *смотря* на неё.

Это безумие. Наваждение.

Мой взгляд сам ищет её в толпе — выхватывает знакомый силуэт, походку, наклон головы. Я ненавижу этот рефлекс, но я бессилен. Порой ловлю себя на том, что стою у окна в коридоре — будто случайно, — а сам высматриваю, когда она выйдет из аудитории. И когда наши взгляды встречаются, внутри всё замирает, а потом взрывается адским пожаром. Но я сразу отворачиваюсь. Делаю вид, что это ошибка. Досадная помеха.

Хуже всего — когда она *не смотрит*. Когда улыбается моему другу. Кладёт руку ему на плечо. Наклоняется, чтобы что-то шепнуть. В этот момент во мне просыпается что-то первобытное и тёмное. Не ревность. Нет. Это чистая, необузданная *ярость*. Она стучит в висках, сжимает грудь, и мне хочется крушить всё вокруг. Стереть эту улыбку с её лица. Заставить смотреть только на меня.

Но я не двигаюсь с места. Я не могу показать, что её присутствие сводит меня с ума. Я сам создал эти правила. Сам загнал себя в эту ловушку. Всё, что мне остаётся — стоять и сгорать заживо. Чувствовать, как челюсти сводит до боли,

как мышцы на щеках напрягаются, будто я пытаюсь раздробить собственные зубы. Вкус железа на языке — когда я прикусываю его, чтобы не сказать, не сделать чего-то непоправимого.

Она не видит. Не знает. Она просто живёт дальше — улыбается другому, дышит, смеётся. А я задыхаюсь в собственном карантине, который сам же и построил. И она даже не подозревает, что стала для меня тихой эпидемией. Беззвучной. Неизлечимой.

— Дым. Ау. Ты меня слышишь?

Я моргнул, возвращаясь в реальность.

Мы сидели в студенческом кафе неподалёку от универа, когда дверь открылась и на пороге возникла Ангелина с подругой. Сделал вид, что не заметил их, надеясь, что они пройдут мимо и сядут где-нибудь в другом конце зала. Но Артём, зараза, уже махал им рукой, расплываясь в приветливой улыбке. «Девчонки, идите к нам!» — и они пошли. Соловьёва села напротив. Прямо напротив меня. Я сам не понимаю, на каких морально-волевых я сдержался и не свалил оттуда сразу же, как только эти двое подошли. Наверное, внезапно уйти, не дождавшись даже заказанного кофе, было бы странно. Это вызвало бы ненужные вопросы у друга. А учитывая, что именно я его сюда позвал, — вдвойне. Пришлось бы объяснять, врать, выглядеть идиотом. Поэтому я остался. Сидел за столиком. Нет, не сидел — присутствовал. Именно присутствовал. Растворился в пространстве. Не

участвовал в их болтовне. Не слушал. Не обращал внимания — упёрся в экран телефона и провалился в свои мысли.

Поэтому голос Артема ворвался в мои мысли, как удар током.

— А? — мой голос сел, пришлось откашляться. — Да. Всё зашибись.

Стулья напротив были пусты. Девчонки исчезли. Даже не заметил, как они ушли.

— Ты какой-то потерянный в последнее время. Ты вообще слышал, что я тебе говорил?

Я напрягся, потому что реально не слышал.

— Чего?

— Говорю, что хочу на выходных сделать сюрприз Ангелине. Устрою романтический ужин. Свечи, музыка, всё как положено. Девочки любят такое. Хочу предложить ей встретиться. Ну, чтоб всё серьёзно. По-настоящему.

Я смотрел на него и чувствовал, как внутри меня что-то медленно, но необратимо трескается.

Усмехнулся. Криво, через силу, одними уголками губ. Отвел взгляд в сторону, сделал вид, что рассматриваю узор на чашке. Сердце колотилось где-то в горле, но я заставил себя говорить легко, с привычной долей сарказма.

— Не думал, что ты так будешь заморачиваться ради того, чтобы затащить телку в постель. Обычно всё обходилось проще. А этой, может, ещё предложение руки и сердца делаешь? Что уж мелочиться.

Артем фыркнул, отмахнулся, но улыбка стала только шире. Он подался вперед, положил локти на стол, и я увидел в его глазах блеск — искренний, теплый, счастливый. Он, похоже, реально был влюблен.

— Всеу свое время, Дым, — сказал он, подмигнув. Меня чуть не стошнило от этого жеста. — Но встречаться — это да. Хватит уже играть в друзей. Я хочу большего. Понимаешь?

Понимаю ли я?

Блять, я понимаю слишком хорошо.

Поэтому, стиснув челюсти до скрежета, я медленно выдохнул через нос. Мышцы на скулах напряглись, но я заставил себя разжать зубы. Провел ладонью по лицу, будто снимая усталость, и кивнул.

— Удачи, — произнес ровно, надеясь, что он не заметит стальных ноток в этом пожелании. — Надеюсь, у вас всё сложится.

Я начал собираться. Сгрел в карман ключи, телефон, зажигалку. Поднялся со стула, закинул куртку на плечо.

— Ты куда? — удивился Артем.

— Дела, — коротко бросил я, не глядя на него. — Некогда мне тут слушать всю эту романтическую херню.

Он хмыкнул, но в голосе проскользнула легкая обида.

— Ну ты и черствый сухарь. Посмотрим, как ты запоешь, когда у тебя самого появится девушка и ты втрескаешься по уши. Я тогда над тобой посмеюсь, будь уверен.

Я замер на секунду. Обернулся. Посмотрел на него в упор.

Артём сидел расслабленно, откинувшись на спинку стула, крутил в пальцах зажигалку и улыбался своей вечной беззаботной улыбкой.

— Не появится, — ответил твердо. — А если и появится — буду держаться от нее подальше.

Арте́м удивленно вскинул брови:

— Это еще почему?

Я не ответил.

Просто вышел из кафе, оставив его сидеть за столом одного.

Хлопнула дверь, в лицо ударил прохладный вечерний воздух. Я закрыл глаза и глубоко вдохнул. В висках пульсировала боль. Сжав ключи в кулаке так, что металл впился в ладонь, я двинулся к машине.

Плюхнулся на водительское сиденье. Салон встретил меня знакомым запахом кожи, табака. Мой запах. Моя территория. Здесь я сам себе хозяин.

Двигатель завёлся с полуоборота — я любил эту тачку за то, что она никогда не подводила. Коробка, сцепление, газ. Я вырулил со стоянки и, не глядя на зеркала, втопил педаль в пол.

Дорога вынесла за город.

Я гнал по трассе, переключая передачи так, будто от этого зависела моя жизнь. Ветер бил в приоткрытое окно, грохот мотора заглушал мысли. Я сжимал руль до онемения в пальцах, входил в повороты на грани заноса, и каждый раз, когда

колёса с визгом цеплялись за асфальт, мне становилось чуть легче.

Это всегда работало.

Когда я за рулём — я не думаю. Только рев двигателя и мелькание фонарей за окном.

Я гнал так минут сорок. Может, час. Потерял счёт времени, потерял счёт километрам. Просто летел вперёд, пока в груди не начало отпускать. Пока сердце не перестало колотиться с бешеной скоростью, а дыхание не выровнялось.

К концу поездки я уже не дрожал. Руки всё ещё чуть подрагивали, но это было напряжение мышц, а не нервов. Я припарковался у обочины, заглушил мотор и несколько минут сидел молча, глядя на тёмное небо через лобовое стекло.

Стало легче.

Ненамного. Но достаточно, чтобы не разбить морду первому встречному.

Выдохнул, потёр лицо ладонями и завёл мотор снова.

Подъехав к дому, собирался пройти в свою комнату и рухнуть лицом в подушку, но... моим мечтам не суждено было сегодня исполниться.

Я услышал тяжёлые шаги из гостиной, а затем разрезающий воздух голос:

— Демьян. В кабинет. Живо.

Глава 19 Демьян

Я пошел следом за отцом. Он вошел первым и остановился, у горящего камина. Минуту смотрел на пламя, а затем повернулся ко мне и скрестил руки на груди.

— Почему я только сейчас узнаю о твоей выходке? — спросил он без предисловий. Голос был низким, ровным, но в нём дребезжала скрытая ярость. — Объясни мне этот нелепый, этот позорный спектакль с отменой помолвки.

Я попытался собраться, сглотнул комок в горле.

— Отец, я не могу жениться на...

— Не могу? — он перебил, губы искривились в холодную, безрадостную усмешку. — Мы не говорим о твоих сиюминутных «могу» или «не могу». Мы говорим об обязательствах. Обе семьи планировали этот брак годами. Годами, Демьян! Это не детская игра в свидания. Это цемент для фундамента нашего дела. Для будущего этой семьи. А ты взял и разбил молотком то, что строили другие.

Он сделал шаг вперёд. Отблеск огня из камина мелькнул в его глазах, сделав их похожими на стеклянные.

— Как ты мог позволить какому-то минутному, импульсивному порыву, перечеркнуть годы расчёта и договорённостей? Это было необдуманно. Безответственно. По-детски. Но детство кончилось. И теперь тебе нужно это исправлять. Завтра ты извинишься перед Елизаветой и её отцом, и мы

восстановим всё как было.

— Нет, — выдохнул я, и собственный голос показался мне чужим, хриплым. — Я не сделаю этого. Не соглашусь на этот брак. Я не люблю Лизу. Не любил и не полюблю. Это будет ложь. Тюрма.

Лицо отца исказилось. Щёки залились тёмным, багровым румянцем. Жилы на висках вздулись и застучали. Он распечатал скрещённые руки, и его пальцы сжались в тугие, белые кулаки.

— Ты ведёшь себя неправильно, — проскрежетал он сквозь стиснутые зубы. Каждое слово било, как плеть. — Вообразил себя каким-то вольным художником, которому позволено попирать данное слово? В нашем мире так не работает! Основа всего — верность! Верность своему слову! Верность своему выбору! Верность своему долгу! Верность семье! Без этого ты — никто! Пустое место! Пыль, которую сдует первый же ветер!

Слово — «ВЕРНОСТЬ» — которое он выкрикнул такой оглушительной убеждённой, стало спусковым крючком. Десять лет боли и обид, детская память о материнских слезах — всё это хлынуло лавой.

— ПРЕКРАТИ, ОТЕЦ! — мой голос сорвался на крик. — Ты всегда изменял матери! Всю вашу совместную жизнь ты нагло врал ей в глаза. И сейчас смеешь говорить мне о верности? Ты лицемер!

Отец, остолбенел. Надменное выражение лица искази-

лось, губы дрогнули.

— Как ты смеешь... — голос прорвался звериным рыком. — Ты бросаешь невесту, предаешь женщину и обвиняешь меня?

— Вот только не надо, стоять из себя жертву. Думаешь, я не знаю? — мой голос осип, но я заставил себя говорить тверже. — Я знаю про мать Анжелины. Про то, как вы с ней крутили шашни за спиной у мамы и её мужа. Твоего лучшего друга, кстати. Вы предали и его.

Батя отшатнулся, будто его ударили.

— Что ты несешь? — выдохнул он, его глаза расширились от ужаса и неверия. — Откуда ты это взял?

— Я собственными глазами видел, как ты предавал маму. Десять лет назад. У Соловьевых. Я видел, как она плакала. Как стояла и смотрела на тебя и на ту женщину. Пока вы... Даже в слух это противно произносить. Ты хоть представляешь, как она страдала? Молча, изо дня в день, терпя ложь и предательство...

Отец вдруг сник. Медленно, словно обессилев, опустился на ближайший стул. Руки его сцепились в волосы, пальцы впились в пряди волос, взъерошивая их.

Наступила долгая, давящая тишина, наполненная лишь его тяжелым дыханием.

— Это... это не совсем так, Демьян, — наконец прошептал он, едва слышно, словно он говорил с самим собой. — Твоя мать... с самого начала знала о моих чувствах к Мари-

не. Она знала, что я ЛЮБЛЮ ЕЁ. Та ночь была единственной. Это было глупо, это было слабо. Я поддался чувствам. Но больше ничего между нами не было. Марина ушла, сказав, что не сможет видеть меня. А твоя мать... она простила. Она выбрала остаться. Выбрала быть моей женой. Выбрала семью.

Я замер, его исповедь, его жалкие оправдания словно обожгли меня. В голове, словно вспышка, пронеслась догадка, объясняющая столько всего, что раньше казалось непонятным.

— Значит... вот почему? — прошептал я, чувствуя, как голос снова дрожит, но теперь уже от другого, горького осознания. — Так вот почему ты всегда боготворил Ангелину и никогда не обращал внимания на своего родного сына! С самого детства постоянно попрекал меня ей, сравнивал, ставил в пример! Давал понять, что она совершенна. Что она — пример того, каким должен быть идеальный ребёнок. Готов был весь мир бросить к её ногам. Восхищался ею. И всё из-за того, что трахал её мать?

Отец вскочил с места. Резко, пружинисто, всем телом. Стул с грохотом отлетел назад, ударился о стену и опрокинулся.

Лицо, которое ещё секунду назад бледное и растерянное, мгновенно налилось краской. Губы сжались в тонкую, белую линию. Жилы на шее вздулись, пульсировали в такт бешеному сердцебиению. Дышал тяжело, ноздри раздувались, как у

загнанного зверя.

— Ты... — выдохнул он, и голос его звучал низко, хрипло, с металлическим скрежетом. — Ты не смеешь так со мной разговаривать. Ты щенок! Сопляк, который ничего не знает, не понимает.

Сделал шаг ко мне. Слишком быстрый. Слишком близкий. И в следующую секунду я увидел, как его рука взметнулась вверх. А потом широкая ладонь с крупными пальцами, разрезая воздух опустилась на мою щеку. Звук — звонкий, отвратительный — разнёсся по кабинету, как выстрел. Голову резко мотнуло в сторону. И следом — взрыв боли. Огненной, слепящей, расползающейся от скулы по всей левой половине лица, отдающей в висок, в челюсть. Перед глазами поплыли алые круги, смешиваясь с искрами от камина.

Сука, как же больно.

Меня качнуло. Я не упал — удержался на ногах, лишь сделал шаг назад. Щеку жгло, будто к ней приложили раскалённое железо. Чувствовал, как кожа горит, как под ней пульсирует кровь, как начинает расползаться отёк. А из губы потекла тёплая, солёная струйка. Я лизнул её кончиком языка ощущая металлический привкус крови.

И в этот момент я поднял глаза на отца.

Он стоял, замерев, с всё ещё занесённой рукой. Его пальцы дрожали. Медленно, словно в трансе, он опустил ладонь и устался на неё, будто видел впервые. А затем его взгляд метнулся к моему лицу.

И там, в этих стальных глазах, я увидел то, чего никогда не видел раньше.

Сожаление.

Оно промелькнуло — быстро, как тень, как вспышка молнии на горизонте. Губы дрогнули, он открыл рот, собираясь что-то сказать. Извиниться? Оправдаться? Я не знаю. И знать не хочу.

Потому что я усмехнулся.

Криво, на разбитую, кровоточащую губу. Усмешка вышла горькой, злой, почти безумной. Я чувствовал, как кровь затекает в рот, окрашивая зубы в алый. Чувствовал, как щека горит, пульсирует, но эта боль была ничем по сравнению с тем, что я носил в себе все эти годы.

Я поднял руку. Провёл тыльной стороной ладони по разбитой губе, собирая кровь. Одним движением. Чётким. Сухим. И вытер её о штанину, оставив на тёмной ткани влажный, тёмный след.

А потом я встретился с ним взглядом. Спокойно. Твёрдо. Как равный с равным. С той секунды, когда его рука коснулась моего лица, что-то в наших отношениях переломилось. И я больше не боялся.

— Отлично. Просто прекрасно.

Он молчал. Стоял, сжимая и разжимая пальцы, и смотрел на меня так, будто видел впервые. Но я уже не ждал ответа. Я развернулся и вышел вон, а в коридоре нос к носу столкнулся с той, кого меньше всего ожидал здесь увидеть. С Ангелиной.

Глава 20 Ангелина

Я смотрела на конспект, но мозг отказывался воспринимать информацию. Строчки плыли, расплывались, менялись местами. Вторая попытка провалилась: текст превратился в кашу.

— Бесполезно, — выдохнула и захлопнула тетрадь.

Мозгу срочно нужен кофеин. Горячая темная жидкость, которая вольется в вены и заставит нейроны танцевать.

Я бесшумно выскользнула из комнаты.

Спустилась на первый этаж и уже свернула на кухню, когда услышала голос Демьяна. Он доносился из кабинета Вадима Сергеевича. Этот голос я узнаю из тысячи. Но сейчас он звучал иначе — без привычной дерзости и насмешки. Дрожал. Срывался от ярости.

Я на цыпочках приблизилась к приоткрытой двери, вслушиваясь в обрывки долетающих фраз.

«Ты всегда боготворил Ангелину и никогда не обращал внимания на своего родного сына! С самого детства постоянно попрекал меня ей, сравнивал, ставил в пример! Давал понять, что она совершенна. Что она — пример того, каким должен быть идеальный ребёнок. Готов был весь мир бросить к её ногам...»

За спиной раздалися шаги. Я вздрогнула, отступила за угол, прижалась спиной к холодной стене, затаила дыхание.

И в этот момент — звук. Короткий. Звенящий.

Пощёчина.

Я содрогнулась. Ладонь прижалась ко рту, чтобы не вскрикнуть. В голове — белый шум. Вадим Сергеевич ударил сына? Что надо сказать, чтобы отец замахнулся на собственного ребенка?

Сердце бухало, пульс стучал в висках. Внутри всё переворачивалось. Но вместе с ужасом пришло осознание: вот почему Демьян так вел себя со мной с первой встречи. Почему возненавидел девчонку, которую даже не знал. Он ревновал. Все эти годы. Каждый раз, когда отец хвалил другую, ставил пример, дарил свою гордость чужой.

Мне.

Стыд, горечь, странное тягучее чувство вины накрыли с головой. Будто я действительно украла что-то, принадлежавшее ему по праву.

Кофе уже не имел значения. Усталость как рукой сняло. Хотелось убраться отсюда.

Я вышла из укрытия, сделала несколько шагов — и дверь кабинета распахнулась с такой силой, что ручка врезалась в стену.

Демьян вылетел пулей.

Я застыла. Время остановилось.

Он дышал рвано, будто только что пробежал марафон. Щека горела алым — багровый след пятерни, пульсирующий, опухший. Нижняя губа рассечена. Из уголка стекла

темно-вишневая кровь — ползла по подбородку, собиралась в каплю и срывалась на белую футболку, оставляя алое пятно.

Дымов поднял глаза и встретился со мной взглядом.

Я смотрела во все глаза. Широко распахнутыми, испуганными, не верящими. Видела его боль — не только на лице, но в глубине зрачков, темных как омуты. Видела гнев, что бурлил внутри. Видела унижение, которое он пытался спрятать за маской презрения.

На секунду в его взгляде мелькнуло что-то похожее на растерянность. Словно не ожидал меня здесь увидеть. Словно ему стыдно, что я вижу его таким.

Но длилось это мгновение.

Он усмехнулся. Криво, на разбитую губу. Усмешка вышла горькой, злой, почти издевательской. Кровь окрасила зубы, делая улыбку пугающей и прекрасной одновременно. Он небрежно провел тыльной стороной ладони по губе, смахивая кровавую струйку. Размазал по скуле, оставив темный влажный след.

И прошел мимо.

Плечом задел меня — едва, но этого касания хватило, чтобы дрожь пробежала по телу. Я почувствовала его запах — терпкий, горький, с привкусом табака.

Он больше не взглянул. Прошел мимо, будто я пустое место. Будто я всего лишь тень на стене.

Я стояла, не в силах пошевелиться, и пялилась ему вслед.

В груди колотилось так, что, казалось, слышно во всем доме. Гулко, бешено, больно. Удары отдавались в висках, кончиках пальцев.

Во мне всё боролось. Жалость к нему. Вина за то, что я стала причиной этой ссоры — невольной, но причиной. Страх перед ним, перед его дикой, необузданной энергией. И что-то еще. Что-то, в чем боялась признаться даже себе.

Демьян ушел, хлопнув дверью. Куда его черт понесет в таком состоянии — неизвестно. По сути, мне должно быть все равно. Безразлично. Но это не так. После того, что я услышала, что увидела — места себе не нахожу. Хожу по комнате как заведенная, сжимая руки в кулаки, до боли впиваясь ногтями в ладони. В голове каша. Я ведь должна радоваться, что он ушел. Правда? Должна выдохнуть с облегчением. Но вместо этого думаю только об одном: где он? Как он себя чувствует? Перед уходом он был явно не в себе. А зная его взрывной характер — может натворить что угодно.

Ночь не могла сомкнуть глаз. Измотанные нервы играли злую шутку: я представляла его в сотнях ужасных сценариев. Разбил машину. Ввязался в драку. Напился до беспамятства в баре, сцепился с кем-то и валяется в канаве. Или еще хуже.

Мысленно ругала, упрекала себя. Гаврила, что не должна так переживать за него. Что мы никто друг другу. Но чувства не спрашивают разрешения. Они просто есть. И разрывают меня на части.

Мне нужно увидеть его, убедиться, что все в порядке.

Иначе я сойду с ума.

Утром я вскочила, раньше будильника. Натянула первое, что попало под руку, и вылетела в коридор. Сердце колотилось от предвкушения и страха одновременно.

Тихо спустилась на первый этаж. Прислушалась. Ни звука.

Заглянула в гостиную. На кухню. В столовую, холл — никого.

Выглянула в окно. Двор пуст. Машины тоже нет.

Он не вернулся.

Всю ночь. Его не было всю ночь.

Гадать, где он и с кем, было бессмысленно. И невыносимо.

Уехала в универ. Искала его глазами везде. У главного входа, в коридорах. Проходила мимо аудиторий, где у него были пары, делая вид, что просто иду по делам. Пусто. Его не было ни на одной лекции. Демьян так и не появился.

Я злилась — на него, на себя, на эту дурацкую ситуацию. В какой момент меня угораздило так впутаться? Почему я должна переживать о человеке, который в лучшем случае игнорирует меня, а в худшем — ненавидит?

Поймала себя на том, что кусаю губу до крови. Отдернула руку, сжала в кулак. Вдох. Выдох. Ничего не помогает.

Единственный, кто может хоть что-то знать — Артем. Лучший друг Демьяна. Тот, с кем я решила свести общение к минимуму. Но сейчас выбирать не приходится.

Направилась в их корпус и сразу же наткнулась на Тёму.

Он сидел в холле на подоконнике, листая телефон. Увидев меня, улыбнулся, и я подошла. Завязался ни к чему не обязывающий разговор — о парах, о погоде, о том, какой у нас завтра дедлайн по курсовой. Я кивала, поддерживала диалог, а внутри кипела. Слова о Демьяне вертелись на языке, но я не решалась их произнести. Спрашивать о нем напрямую — не могла. Это бы означало признать, что он мне небезразличен. Нет, я не могу этого сделать.

Артем молчал. Ни словом не обмолвился о друге. Даже не упомянул его имя. И от этого меня разрывало еще сильнее.

Либо он действительно не в курсе. Либо не хочет посвящать в дела Демьяна. И то, и другое бесило.

— Слушай, — вдруг сказал Артем, пряча телефон в карман. — А может, ходим куда-нибудь вечером? В кино, например. Новая комедия вышла — говорят, огонь.

Я подняла на него взгляд.

— В кино? — переспросила я, лихорадочно соображая. Кино. Вечер. Вдвоем с Артемом. Это возможность — возможно, единственная — вытянуть из него хоть что-то о Демьяне. Через разговор, случайную фразу, упоминание.

— Давай, — улыбнулась я, стараясь, чтобы голос звучал легко.

Артем просиял. Глаза загорелись, улыбка стала шире — искренняя, почти мальчишеская.

— Серьезно? Класс! Я тогда билеты возьму. На семь нормально?

— Нормально.

Договорившись, что он заедет за мной Артем убежал, бросив на прощание «до вечера!». Я смотрела ему вслед, и улыбка медленно сползала с моего лица.

Я согласилась. Ради того, чтобы быть ближе к Дымову — хотя бы косвенно, через его друга. Внутри меня поднималась тошнота от собственной мелочности. Артем искренне радовался, а я чувствовала себя последней тварью. Но я должна узнать, где Демьян. Должна увидеть, что с ним все в порядке.

А потом... а потом я разберусь с тем, что со мной происходит.

Глава 21 Ангелина

До самого вечера мои метания не прекращались. Когда телефон издал писк входящего сообщения, я подбежала к кровати и сразу же открыла диалоговое окно.

Артём: *«Привет! Не смогу тебя забрать. Дымов здесь. Он явно не в себе. Я бы очень хотел тебя увидеть. Но не могу оставить его в таком состоянии. Извини».*

Я разочарованно вздохнула. Но меня заботит вовсе не сорванный просмотр фильма. Меня волнует то, что Демьян там с ним. И что мне дико, до дрожи в коленях, хочется его увидеть.

Не раздумывая, пишу ответ:

Ангелина: *«Ничего страшного. Я все понимаю. Могу приехать, составить вам компанию. Фильм заодно посмотрим».*

Артём: *«Отличная идея. Жду».*

Быстро переделась и буквально через две минуты уже неслась к машине.

Дорога до нужного адреса заняла не больше получаса. Но это время тянулось бесконечно. А сердце колотилось так, что, кажется, заглушало шум мотора.

Мы подъехали к дому, и я торопливо поспешила к двери. Нажала звонок. Раз. Ещё.

Артём открыл почти сразу. На его лице играла широкая, довольная улыбка. Второй раз за день меня накрывает вол-

ной стыда. Я чувствую себя так, словно использую его. Ведь причина моего прихода — вовсе не он. Во все не желание провести с ним время. А тот, кто сидит сейчас в соседней комнате.

Тёма чуть подается вперед, наклоняется и целует меня в щеку. Поцелуй легкий, невесомый, ничего не значащий — по крайней мере для меня. Но все равно становится неловко. До тошноты. Я отвожу взгляд, надеясь, что он не заметит моего замешательства. Затем он отстраняется, пропуская меня вперед.

Прохожу в гостиную и сразу же замечаю Демьяна. Он сидит на диване. В руке — стакан с виски. Услышав шаги, он медленно поворачивает голову. Видит меня — и весь напрягается. Мгновенно.

Делает глубокий вдох, но не отводит взгляда — сверлит меня глазами. В них — злость. Знакомая, колючая, обжигающая злость.

— Зачем приехала?

— А что, ты не рад меня видеть?

Он отворачивается первым. Подносит стакан к губам и делает большой глоток. Рука чуть дрожит. Ставит стакан на столик — громко, со стуком. И откидывается на спинку дивана, скрестив руки на груди.

— Мне по хер.

— Так, народ, брейк, брейк, — Артём поднял руки, словно разнимал драчунов. — Только не надо ругаться. Вы как

кошка с собакой, честное слово. Давайте лучше фильм посмотрим. Такая классная комедия вышла, мы как раз сегодня с Ангелиной хотели на неё сходить.

Демьян ухмыльнулся. Криво, одними уголками губ. Что-то буркнул себе под нос — я не разобрала.

— Давай, проходи, присаживайся, — Артём указал мне на место рядом с Демьяном. — А я на кухню сгоняю, за попкорном. Ты пока включай, — обратился к другу и ушёл, оставив нас двоих в этой гнетущей тишине.

Я села на краешек дивана. Буквально на самый край, будто в любой момент собиралась сбежать. Сердце колотилось где-то в горле. Пальцы теребили край футболки, дыхание сбилось, стало поверхностным и частым. Я боялась дышать. Боялась пошевелиться. Боялась случайно соприкоснуться с ним плечом или локтем.

Демьян потянулся за пультом, который лежал на журнальном столике.

Я замороженно следила за каждым его движением. Как он плавно, почти лениво, потянулся вперёд. Как его широкая спина на мгновение напряглась, плечи расправились. Как перекатывались тугие мышцы под тонкой тканью футболки.

А когда он вновь выпрямился, ветерок от его движения донёс до меня запах. Горьковатый, терпкий, смешанный с выдержанным виски и мятой. Я судорожно втянула в себя воздух. Этот аромат ударил в ноздри, заполнил лёгкие, проник в самую грудь. Голова пошла кругом. Я прикусила губу,

чтобы не застонать. Боялась, что он услышит, поймет, как я опьянена им до помутнения.

Вернулся Артём. Сел с другой стороны. И я оказалась зажата между ними — как между двух огней. Посередине. Настоящая ловушка.

— О, началось уже! — оживлённо затараторил Тёма, кивая на экран, где мелькали первые титры. Ему было комфортно, он был счастлив и даже не догадывался, что творится у меня внутри.

— Я слышал, этот фильм угарный. Нам точно зайдёт.

Я же не могла сосредоточиться ни на экране, ни на его словах. Потому что Демьян вальяжно развалился рядом, широко расставив длинные ноги. Его колено соприкоснулось с моим. Но он не убрал его.

Меня словно жаром обдало от этого прикосновения. Будто мы прижались голыми участками кожи. Мурашки побежали по всему телу, начиная от бедра и выше — до самых плеч. Я перестала дышать.

Демьян потягивал виски и криво усмехался, когда на экране происходило что-то смешное. Бросал короткие фразы и снова возвращался к фильму.

Я же сидела напряжённая как струна. Готовая лопнуть в любой момент.

И вдруг я почувствовала руку. Сзади. На спинке дивана. Артём положил ее так, что со стороны это выглядело, будто он меня обнимает. Его пальцы почти касались моей ключи-

цы, едва-едва, словно невзначай.

Я опешила.

Замерла. Слегка повернула голову — и увидела его кисть, свисающую с дивана, пальцы, что почти лежали на моей коже через тонкую ткань футболки.

Медленно, очень медленно я перевела взгляд на Демьяна.

У него переменялось лицо.

Челюсти сжались так, что на скулах заходили желваки. Он стиснул свой бокал с такой силой, что костяшки пальцев побелели до прозрачной белизны. Взгляд — тёмный, тяжёлый, как грозовая туча, — упёрся в эту руку. В пальцы Артёма. В то место, где они почти касались моей кожи.

И я почувствовала, как воздух наэлектризовался. Стало тяжело дышать.

Я вскочила — молниеносно, будто меня кипятком обдали. Дёрнулась в сторону, сбросив невидимые оковы.

— Я на кухню. Пить очень хочется, — выпалила первое, что пришло в голову. — Вам что-нибудь принести?

Демьян молчал. Только стиснул челюсти ещё сильнее — так, что, кажется, я услышала скрежет зубов. Он не поднял на меня глаз. Смотрел в одну точку перед собой.

Артём, всё ещё улыбаясь, рванулся было встать:

— Давай я схожу.

— Нет! — слишком громко ответила я. — Сиди. Я сама.

И понеслась прочь.

Влетела на кухню — и меня тут же накрыло. Колотило

так, что зубы стучали. Схватила первый попавшийся стакан, дрожащей рукой открыла кран, налила воду до краёв и залпом осушила. Внутри всё равно полыхало. В ушах шумело.

Я поставила стакан на столешницу, выдохнула, опёрлась руками о край. Глаза закрыла. Секунда. Две.

И в ту же секунду чья-то рука грубо схватила меня за предплечье — и дёрнула назад.

Я развернулась — и налетела на Демьяна. Вплотную. Грудь к груди. Отшатнулась, насколько это было возможно. Но некуда — сзади только гранитная столешница. Я оказалась запертая между его телом и холодным камнем.

— Пусти, — выдохнула дёрнувшись. Но он не отпустил.

— Зачем ты приехала? — голос низкий, хриплый, с металлическими нотками.

Я сглотнула.

Со вчерашнего дня в голове билась мысль. Одна, навязчивая, пульсирующая: «Хотела увидеть тебя. Хотела проверить, всё ли с тобой в порядке. Я не спала всю ночь, представляя тебя мёртвым в канаве».

Но я не могла произнести это вслух. Не могла дать ему эту власть надо мной.

— Мы с Артёмом хотели провести время вместе, — выпалила я, глядя ему в глаза. — Посмотреть кино.

Он замер на секунду. А потом рассмеялся — нагло, коротко. Запрокинул голову, и я увидела, как дёрнулся его кадык.

— Кино, блядь, — повторил он, смакуя слово, будто про-

бовал его на вкус. — Серьёзно?

Он подался вперёд — и я опёрлась ладонями ему в грудь. Но он не отстранился. Наоборот — наклонился ниже, почти касаясь губами моего уха. Жар его дыхания обжёг кожу.

— А я вот что-то не верю, — прошептал он так тихо, что мурашки побежали по позвоночнику. — Не верю, что ты примчалась через полгорода ради какого-то грёбаного фильма.

Его рука скользнула с моего запястья выше — по локтю, по плечу, остановилась на шее. Большим пальцем он провёл по линии челюсти и сжал её, заставляя меня поднять голову, встретиться с ним взглядом.

— Нахуя ты здесь?

— Я ответила на твой вопрос. Добавить больше нечего.

Демьян склонил голову набок, словно изучая меня. Его зрачки расширились, дыхание стало глубже.

— Ты уже спала с ним? — спросил он, и его голос упал до хриплого, почти неузнаваемого шёпота. — Успела раздвинуть перед ним ноги?

Внутри меня что-то оборвалось.

Злость. Дикая, слепая ярость, которая накрыла меня с головой, выжигая страх и неуверенность. Я упёрлась ладонями ему в грудь — инстинктивно, со всей силы — и толкнула. Он отшатнулся на шаг, но не упал. Просто смотрел на меня, тяжело дыша, со странным блеском в глазах.

— А если и успела? — выплюнула я, чувствуя, как голос

срывается на шипение. — Тебе-то какое дело, Дымов? Ты кто мне? Никто. Так катись ты к чёрту со своими вопросами!

На скулах парня заходили желваки, каждая жилка на шее напряглась. Воздух между нами накалился до предела. Он хотел что-то ответить, но не успел.

— Чего вы тут пропали? — раздалось от двери.

Я резко отшатнулась, одёргивая футболку, поправляя волосы. Демьян, напротив, остался стоять, замерев и глядя на вошедшего Артёма. Его руки медленно разжались, но в глазах всё ещё бурлил гнев.

Артём стоял в проёме кухни. Смотрел на наши лица. На Демьяна, который выглядел так, будто готов убить. На меня — раскрасневшуюся, со сбившимся дыханием, с бешеным пульсом.

— Всё нормально? — спросил он, и в его голосе впервые за вечер проскользнули нотки сомнения.

Демьян первым вышел из оцепенения. Он выдохнул, провёл рукой по лицу и усмехнулся:

— Всё норм. Семейный разговор.

Гринёв перевёл взгляд на меня. Я видела, что он не поверил ни на секунду. В его глазах застыл вопрос. Но он молчал, ожидая моего ответа.

Я сглотнула, чувствуя, как комок подкатывает к горлу. Смотреть на него было невыносимо. Но я заставила себя улыбнуться. Фальшиво, через силу.

— Да ничего особенного, — я попыталась сделать го-

лос легкомысленным. — Демьян тут напомнил мне, что уже поздно. Сказал, что Вадим Сергеевич будет волноваться. И вообще, по его мнению, мне давно пора быть в постели, а не шастать по ночам.

Я покосилась на Дымова — он стоял, скрестив руки на груди, и молча сверлил меня взглядом. В его глазах мелькнуло что-то похожее на изумление. Наверное, он не ожидал, что я так ловко переведу стрелки.

— Ах вот оно что, — Гринёв недоверчиво прищурился, но, кажется, решил не лезть в наши разборки. — Ну, Дымов, ты как насадка прямо.

Демьян хмыкнул, но ничего не ответил.

— И он прав, — добавила я, чувствуя, как внутри всё сжимается от лжи. — Уже действительно поздно. Мне нужно ехать.

Артём нахмурился:

— Так мы же фильм не досмотрели...

— Концовка и так понятна, — улыбнулась я, пожимая плечами. — Счастливая. Все женятся, мирятся, живут долго и счастливо. Как в сказке.

Развернулась на пятках и, не оглядываясь, направилась из кухни. Шаг, второй, третий — в прихожую, к двери. Сердце колотилось так, что закладывало уши. В горле стоял горький ком.

Я столько времени думала только об одном: увидеть его. Узнать, жив ли он. Не разбился ли где-нибудь по дороге, не

лежит ли в канаве с переломанными костями, не захлебнулся ли собственной кровью. Я не спала. Места себе не находила. Примчалась сюда, чтобы убедиться, что с ним всё в хорошо.

И вот я убедилась. Он в ПОЛНОМ ПОРЯДКЕ. Жив. Здоров. Груб. Всё, как всегда.

А вот я — нет.

Не знаю, что сейчас произошло. Что он со мной делал. Но внутри всё дрожало, горело и рушилось одновременно.